
ФОМА
12+
православный журнал для сомневающихся
март 2018
ЖИТЬ ЧЕЛОВЕКОМ
ePUB

Представляем версию 179-го номера православного журнала "ФОМА"

для электронных книг и программ чтения книг в формате ePUB

на мобильных устройствах.

Номер издан с сокращениями.

ВНИМАНИЕ!

Полный выпуск этого номера доступен в приложении Журнал "ФОМА" в AppStore и GooglePlay, а также вы можете получить его оформив редакционную подписку на оригинальное бумажное издание.

ИД "ФОМА"

2018 г.

(С)

ОГЛАВЛЕНИЕ

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Владимир Легойда. Есть ли у христианства будущее?

ИНТЕРВЬЮ НОМЕРА

Виталий Сурвилло. Универсальное средство профориентации — это любовь

ВОПРОС НОМЕРА: Мама всегда права?

Александр Ткаченко. Несчастная собственность

ВЕРА

Протоиерей Александр Авдюгин. Мы все воскреснем

Архиепископ Иона (Черепанов). Можно ли исповедоваться через Интернет?

Патриарх Кирилл. Церковь живет не в виртуальном мире

Архимандрит Дамаскин (Орловский). Священномученик Сергий (Воскресенский)

ЛЮДИ

Екатерина Соловьева. Памяти отца Аркадия

Иерей Аркадий Шлыков. «Давай, отец, крести меня!»

Марина Бирюкова. Испытание пробкой

КУЛЬТУРА

Ольга Попова. Византийское искусство: прорыв к свету, а не занудство

ОТ ИЗДАТЕЛЯ

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Есть ли у христианства будущее?

Польский мыслитель XX века Колоковский однажды очень точно сказал, что борьба с христианством ведется не путем дискуссии. Главным оружием является бессмысленный гогот. Не аргументы оппонентов, не система доказательств, не философские размышления… Отказ в диалоге и бессмысленный смех.

Конечно, мы, христиане, сами нередко даем повод для плохого к себе отношения. Прежде всего — когда нарушаем важнейшую заповедь Христа: По тому узнают все, что Вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собою (Ин 13:35). Не имеем любви, потому не видят в нас учеников Его.

Но в центре христианства — Сам Христос, а не человеческие заслуги. Поэтому и самую большую неприязнь всегда вызывали именно Бог, именно Евангелие, а не недостатки верующих. И в обществе, и в человеческом сердце, по яркому замечанию Достоевского, дьявол борется с Богом. Потому что Сам Бог — предмет его ненависти.

Бороться с христианством путем интеллектуальной дискуссии сложно. Это хорошо понимали, например, в Советском Союзе. Поэтому христианам приписывали взгляды, которых у них не было. А потом их высмеивали. Взять хотя бы знаменитый кукольный театр Сергея Образцова. Помните? Там Бог — лысый бородатый дедушка — лепил из теста человечков. Чушь! Смешно! А ведь такая, с позволения сказать, интерпретация не имеет никакого отношения к описанному в книге Бытие. Бессмысленный гогот!

Сегодня кукольная история про дедушку вряд ли пройдет. Но бессмысленный гогот и сейчас нередко — наш самый частый спутник. Царствие Небесное, загробная жизнь — ведь это смешно для современного человека! Жить надо здесь и сейчас! Критерий качества жизни только один — успех. Любовь к врагам — придумка слабых! Да и сама любовь — выдумка. Нет, конечно, любовью можно заниматься. Что лихо демонстрируют герои многочисленных фильмов. Они постоянно меняют партнеров и утверждают якобы неизбежность именно такого понимания любви. Любить одного? Хранить верность?

Любовь как переживание боли другого, любовь как жертва? Выдумки. И опять бессмысленный гогот.

А ведь эта, главная правда христианства — Бог есть любовь — когда-то полностью изменила мир. Изменила и спасла. Создала мощнейшую культуру, веками питала и питает мир глубинными смыслами. И нам, таким неправильным, слабым, малодушным и греховным дает и силы, и надежду.

Есть ли в современном мире бессмысленного гогота будущее у христианства? Не знаю. Но точно знаю, что у мира будущего без христианства нет.

Владимир Легойда

Видеоверсию этой колонки смотрите на телеканале «Царьград» (tsargrad.tv)

ИНТЕРВЬЮ НОМЕРА

«Нам нужно готовить людей к тому, что у них не будет профессии». Парадокс, но это говорит основатель одного из самых популярных в России центров детской профориентации «Мастерславль». Как же можно подготовить детей к таким радикальным переменам на рынке труда? Чему их надо обязательно научить, а в чем дать детям разобраться самим? Об этом наш разговор с Виталием Сурвилло.

Универсальное средство профориентации — это любовь

Виталий Сурвилло, предприниматель, основатель детского досугового центра профессиональной ориентации «Мастерславль»

Справка

Виталий Сурвилло

родился 6 апреля 1958 г. в Москве. С отличием окончил МГИМО, прошел обучение на курсах при Академии народного хозяйства, Гарвардском университете, Американском институте по земельным исследованиям.

В 1980–1991 гг. работал в структуре МИД — в посольствах в Кувейте, в Ливии, а также в центральном аппарате Министерства, в Департаменте стран Ближнего Востока и Северной Африки (на должностях дежурного референта, третьего, второго, первого секретаря).

Председатель совета директоров группы компаний «Эспро», член Попечительских советов Православного Свято-Тихоновского богословского университета и Донского монастыря.

Основатель семейного досугового центра профессиональной ориентации «Мастерславль». Женат, воспитывает четверых детей.

— Виталий Юрьевич, зачем в «Мастерславле» детей знакомят с востребованными сегодня профессиями, если специалисты по рынку труда говорят, что уже завтра нас ждут радикальные изменения на этом рынке, которые затронут само устройство общества?

— Да, и эти изменения будут связаны с тем, что в обозримом будущем многие профессии просто исчезнут, потому что рабочие процессы будут полностью автоматизированы и роботизированы. И мы совершенно не знаем, какие профессии останутся через 5-10 лет. Предполагаю, например, что школе роботизация не грозит, а вот водители скоро никому не будут нужны. И хирургов в какой-то момент заменят роботы: потому что нужна будет такая точность скальпеля, которой человек никогда добиться не сможет. Агентство стратегических инициатив создало замечательный проект — «Атлас новых профессий», я всегда его с интересом читаю. Но для меня это повод задуматься: а будет ли, к примеру, нужна такая профессия, как космический агроном? И таких вопросов много. И уж точно бессмысленно рассуждать о том, какие профессии будут наиболее востребованы.

Возникает небывалая доселе задача: надо учить огромную часть людей… ничего не делать. Иными словами, готовить их к тому, что у них не будет профессии, и что, возможно, лозунг Карла Маркса «от каждого по способностям, каждому по потребностям» когда-нибудь станет реальностью.

— Как и к чему готовить тогда наших детей?

— Мне кажется, в наше время профессиональная ориентация должна заключаться не в том, что ребенка будут знакомить с какой-либо конкретной профессией, а в том, что его будут учить, как реагировать на изменения профессии и как вообще искать и находить себя в профессиональной жизни.

Понятно, что если в XVIII веке профессия менялась раз в три поколения: отец — кузнец, сын — кузнец и только внук начинает брать в руки кисточку, то сейчас люди порой меняют профессии несколько раз в течение жизни. Например, я окончил МГИМО и пошел в дипломаты, затем занимался строительным бизнесом, а сейчас занимаюсь детским досуговым центром. Исследователи рынка труда предполагают, что для грядущих поколений многократная смена профессии будет нормой.

Поэтому мне кажется, что сегодня задача профессиональной ориентации — привить ребенку возможность правильно реагировать на изменения и грамотно использовать все те навыки, которые у него накоплены, чтобы вовремя овладеть необходимой ему специализацией.

Уметь искать нужную ему информацию в бесконечном потоке всего, чем сегодня забит интернет. Если раньше меня учили, что о той сфере, которую я выбрал, я должен прочитать все самые лучшие теоретические труды, то сейчас это невозможно физически. Поэтому важный навык, который нужно привить нашим детям, — умение найти нужную информацию, воспользоваться ею и быстро перестроиться.

Конечно, есть профессии, которые требуют от ребенка и родителей серьезных жертв с самого детства. Это спортсмены, музыканты, или, например, врачи и ученые, у которых на базовую подготовку уходит значительное время. Но большинство профессий в сфере услуг и сервиса (а мы все так или иначе с этим связаны) можно менять и видоизменять. И самое главное — научить людей не комплексовать по поводу перемен, а, наоборот, уметь быстро собираться и идти в новом направлении.

Кроме того, по-моему, задача вырастить человека хорошим значительно важней, чем определение той сферы, в которой он будет трудиться. В конечном итоге, нам может быть абсолютно не важно, какая профессия у близкого нам человека, кто он — великий ученый,

или спортсмен, или дворник. Значительным для каждого из нас является то, какой он человек, как, к примеру, он поведет себя в ситуации, когда потребуется его помощь.

И цель нашей работы с детьми — это все-таки воспитание и просвещение. Нравственное, духовное. Хотя очень важно, чтобы человек при этом приобщился ко всем достижениям цивилизации. Ему должно быть бесконечно интересно жить — без этого не будет ни любви к труду, ни способности адаптироваться к переменам в мире.

Многие современные родители нуждаются в воспитании больше, чем дети

— На Ваш взгляд, есть ли проблема в том, как сегодняшние родители видят будущее своих детей?

— Да, и она в том, что очень и очень многим родителям, по сути, не интересно, кем вырастут их дети и как они будут воспитаны. По разным причинам. Кто-то из родителей живет только ради себя, а с кем-то мало занимались собственные мама и папа. И даже в Москве есть большие районы, где у детей лучшее времяпрепровождение — собираться около гаражей, в то время как их родители уверены: «раз мы уже отдали ребенка в школу, значит, мы выполнили свой долг перед обществом».

Частая проблема родителей, которые все же озабочены будущим своего ребенка, — в том, что они не знают, как правильно на него повлиять, как заинтересовать, какие конкретные шаги предпринимать в этом направлении. И мне кажется, что родителей надо воспитывать еще больше, чем детей, или, по крайней мере, показывать, в каком направлении можно с детьми работать. Это тоже одна из важнейших задач «Мастерславля».

— По-вашему, из каких установок должны исходить родители, помогая ребенку выбирать его будущее?

— Есть банальная, но единственно, по-моему, верная установка: самое главное — это любить своего ребенка. Сначала любить, потом воспитывать — это тот фундамент, на котором он сам построит свое будущее.

Для меня абсолютно непонятно, как подготовить ребенка к конкретной профессии. Пытаться сделать из него врача? Но через десять-двадцать лет врачей в сегодняшнем понимании может уже не быть. Ученого? А он не хочет быть ученым, он хочет быть дизайнером или каким-нибудь барбером. Боюсь, что здесь никаких конкретных советов быть не может. Главное — чтобы вырос достойный человек. Это сложная задача, и я не уверен, что в моей собственной семье удастся стопроцентно с ней справиться.

— А как Вы готовите своих детей к будущей жизни, как строите разговоры о профессии?

— Одно время я мечтал, чтобы мой старший сын стал биохимиком, потому что рассуждал, как все родители. Что вскоре будет самым интересным? Биохимия. И я настраивал сына на это, он даже ходил в специальный колледж. Но классе в восьмом или девятом сын сказал: «Это не мое, и я туда ходить больше не буду». Мне тогда хватило сил наступить себе на горло и ответить: «Ну, как знаешь». Потом мама готовила его, по моему примеру и примеру своего папы, к поступлению в МГИМО, чтобы он стал дипломатом. Мы встречались с ректором института Анатолием Васильевичем Торкуновым, говорили: «У нас такой ребеночек растет!», и Анатолий Васильевич советовал, к каким экзаменам его готовить. А сын сказал: «Да не хочу я в ваше МГИМО, мне это не нужно». И выбрал совершенно другой путь — решил стать журналистом, и выбрал вуз, который оказался интересен не его папе, а ему самому.

В школе сын все время был отличником. Но в одиннадцатом классе появился на уроках раз семь. Помню, как мы в ужасе бросались в школу и умоляли, чтобы ему поставили хоть какую-то аттестацию. Потому что сын занялся блогерством, и все другое было ему не

интересно. Вначале для меня это было дикостью, чем-то совершенно непонятным. Потом я все-таки стал читать некоторые из его текстов в интернете — и мне понравилось, как он пишет, как он умудряется владеть словом. Я почувствовал его талант. Но самым большим открытием для меня стало то, что сын еще одиннадцатиклассником получал письма с просьбами: «Научите меня жить». Настолько для кого-то оказывались важны те три-четыре фразы, которые он писал. Представляете, какая на нем оказалась ответственность! Читая еще более внимательно его блоги, в какой-то момент я убедился, что то, что ему преподают в вузе, действительно интересно и полезно.

Но прошло еще немного времени, и сыну уже и вуз кажется необязательным, потому что «высшее образование ты можешь получить сам». И когда моя жена приходит от этого в ужас: «Как можно без диплома о высшем!» — остается только молиться, если ты хочешь, чтобы у него был официальный диплом. И самое главное — не расстраиваться, если у него все будет совсем иначе, чем ты себе представлял.

Со всеми попытками воздействовать на решение сына у нас с женой ничего не получилось, профессионально он стал совершенно не тем, кем хотели мы. Но мне кажется, что по своей человеческой сущности он близок к тому, чего бы мне хотелось от остальных детей, которые сейчас подрастают, — он добрый.

В отношении средней дочери я постепенно смиряюсь с тем, что она все считает на калькуляторе. Учительница им этого не запрещает. Понятно, что дочка может посчитать и сама — но наши младшие дети и то скорее умножат в уме. Я сначала возмущался, а потом подумал: уж если учительница смиряется, что я-то буду возражать? Зато дочь замечательно играет на виолончели, и я понимаю: ведь когда я слушаю Наталью Гутман или Ростроповича, мне совершенно все равно, умеют они управляться с интегралами, или нет. Даже если умеют, их задача не в этом, а в том, чтобы своей музыкой будить в людях хорошие чувства.

Наверное, я стал спокойней относиться к тому, что из школы приносятся не одни пятерки. Я всю жизнь был отличником, и вначале мне было тяжело. Но я понял, что нет универсальных способов воспитать детей. Единственное, что универсально — это любовь.

Нельзя пройти путь к Богу за другого

— На территории Вашего детского города есть бюст Патриарха Тихона. Зачем он там?

— Бюст расположен при входе в мастерскую «Центр добрых дел», где дети учатся благотворительности, и там размещены слова этого святого о том, что только добро может победить зло. Но наряду с Патриархом там есть и доктор Гааз с его фразой «Спешите делать добро». Это все очень важные для меня слова. Это — установка, на которой зиждется «Мастерславль». Как говорил мне мой духовный отец, протоиерей Владимир Воробьев: «Этот город должен быть городом добра». Кто-то приходит и совершенно этого не замечает — «обычный детский центр». Но мы все же стараемся соответствовать этой установке даже в мелочах, и стараемся это делать ненавязчиво.

— Вы много обсуждали с Вашим духовным отцом этот проект?

— Мы обсуждали лишь те вопросы, те области, в которых у меня нет ни опыта, ни оснований, для того чтобы самому принимать решения.

Например, денежная единица, которая выдается в нашем городе каждому ребенку, называется «талант», и на каждой «купюре» написаны изречения великих людей о таланте. Я хотел разместить на них и слова из евангельской притчи о талантах — но отец Владимир подсказал, что на деньгах этого писать не стоит.

Или вопрос о церковных профессиях — священника или дьякона, — которые я тоже думал ввести в «Мастерславле». Отец Владимир сказал: не надо. Потому что нехорошо играть в священнодействие. А дальше ты уже сам понимаешь, что было бы нелепо рассказывать здесь о том, кто такие монахи или дьяконы. Вот об алтарнике рассказать, наверное, можно. Но мы решили пока этого не делать, а установить звонницу и создать мастерскую звонарей. В таких вопросах мне, конечно, требовалось мнение или рекомендация отца Владимира.

— А как Вы пришли к вере?

— Мне очень повезло, у меня была верующая бабушка и верующая учительница литературы, которая во многом на меня повлияла. Помню, классе в 8-м у нас с ней был спор по поводу Достоевского, и я сказал: «Ну, так вообще можно сказать, что Вы и в Бога верите!» Она замолчала, а потом ответила: «Да, верю». При том, что она была членом компартии, это требовало определенного гражданского мужества. Ведь я же мог кому-то об этом рассказать. Но сказать, что она не верит в Бога, было для нее все равно, что отречься от Него. И со временем я стал ходить в храм вместе с ней.

Она водила меня в московскую Ильинскую Обыденскую церковь, и я до сих пор являюсь прихожанином этого храма. Помню, какое впечатление на меня производила там служба «Двенадцати Евангелий»... И когда я был уже студентом МГИМО, а затем и работником МИДа, среди тех доносов, которые на меня писали (как это часто бывало в советские времена), были и обличения в том, что я крестился перед иконами в коптской православной церкви в Египте.

Но сказать, что я тогда был воцерковленным человеком, не могу. Это произошло намного позже и как-то само собой. У меня были разные ситуации в жизни, и в какой-то момент я оказался твердо убежден в

том, что Господь есть и что Он поможет, когда нужно. Я никому не собираюсь это доказывать, я это просто чувствую.

— Вы бизнесмен. Как в Вашем окружении относятся к тому, что Вы верующий человек?

— Знаете, что касается моего собственного опыта взаимоотношения с другими людьми… здесь я допустил немало ошибок. Так сложилось, что все мои коллеги, все мои подчиненные всегда знали о моем отношении к вере. И когда я занимался девелопментским бизнесом, для меня очень естественным было сделать по электронной почте рассылку о том, что приближается православный праздник — и давайте все пойдем туда. К чтению Великого канона я приносил всем книжки с каноном Андрея Критского, чтобы они читали. И у людей сначала действительно было такое неофитское восхищение. Но потом они ходить в храм переставали. Это стало первым поводом к сомнениям в правильности моих действий.

Еще у меня был приятель, который достиг больших высот в бизнесе, но из-за того, что много пил, потихонечку все потерял. И когда его жена попросила меня взять его на работу, я назначил его

руководителем одного проекта. Да, может быть, его не очень любили коллеги по компании, наверное, было какое-то соревнование между проектами, но мне казалось, что все идет нормально.

Но однажды, когда я был на Афоне, после бесконечных размышлений на ту тему, о которой мы с вами сейчас говорим, я вдруг получаю от этого приятеля электронное письмо. Писал он — видимо, в сильном подпитии — о том, как ему неуютно в нашей компании, и вывод сделал такой: «А ты виноват больше всего. Если ты считаешь себя моим благодетелем, так ты знай, что ничего хорошего ты мне не сделал».

Да, на следующий же день он отправил уже совершенно иное письмо: «Извини, не то написал, было плохое настроение...» Но я понимал, что это так. И вот тогда я ощутил, что все мои действия совершались по моей гордыне, что это было какое-то лицедейство. Потому что я явно в этот момент больше думал не об этом человеке, а о себе, о том, какой я хороший. Потому что когда ты начинаешь «проповедовать», ты начинаешь думать, что что-то знаешь лучше, чем другие люди, а порой даже чем Сам Господь Бог.

После этого я стал очень осторожен в общении с людьми на тему веры. Если ко мне кто-то обращается, то я, конечно, со всем своим энтузиазмом отзываюсь на просьбу... Но давить на кого-то… Нет, теперь я так не делаю. Пройти дорогу к храму за другого человека нельзя.

Беседовала Дарья Баринова

Фото Владимира Ештокина, из семейного архива Виталия Сурвилло и со странички «Мастерславля» в соцсети «ВКонтакте»

ВОПРОС НОМЕРА

Письмо в редакцию

на e-mail: vopros@foma.ru

Здравствуйте, очень прошу совета! Сейчас у меня такое время, когда надо определяться с будущим — но на меня в этом выборе давит мама. Чем бы я ни занималась, ни увлекалась, к чему бы ни присматривалась, я слышу от нее только одно: «Если будешь так продолжать, то никогда не выйдешь замуж». Она считает, что первостепенная задача для девушки — найти мужа, обзавестись семьей и детьми, а все остальное — вторично. А я понимаю, что мне сейчас очень важно найти себя, свое призвание. Да, может быть, это странно, но я с детства мечтаю связать свою жизнь с военной службой. Я чувствую, что это мой путь, но мама же постоянно твердит, что это «неженское» дело ни на шаг не приблизит меня к замужеству. После этих разговоров чувствую себя какой-то неполноценной, недодевушкой, а мысль о замужестве вообще вызывает морскую болезнь: не потому, что я не хочу (я действительно хочу и семью, и детей), а потому что мне это постоянно навязывают. Нехорошо так говорить, но меня мамины разговоры тихо «задергали», они разрушают изнутри, не дают услышать себя и понять, чего от меня хочет Бог, уготовал ли Он мне какой-то мой, особенный путь.

Это странная мысль, но я часто начинаю сомневаться, что Бог понимает и любит меня такой, какая я есть. И мне очень хочется понять, ошибаюсь я в этом, или Ему действительно нужно, чтобы я переломила себя для полного соответствия традиционному женскому образу? И еще мне важно знать, как мне сохранить мир с мамой и родными, но при этом не пойти против себя?

Лидия, 18 лет

Несчастная собственность

Как не «передавить» ребенка своей заботой о его судьбе

На вопрос читателя отвечает психолог Александр Ткаченко

Дорогая Лидия, текст, который Вы прочтете ниже, может показаться Вам странным. Дело в том, что ответ на письмо я хотел бы адресовать не Вам, и даже не Вашей маме, а вообще всем родителям, которые в какой-то момент — осознанно или не очень — превращают воспитание в процесс жесткого давления, а порой даже ломки своего ребенка. Подобные родительские ошибки, к сожалению, мне приходилось не раз совершать и самому. И именно об этих ошибках мне кажется важным поговорить в журнале, который читают тысячи родителей. Я благодарю Вас за письмо, которое дает очень весомый повод для такого разговора.

Тем не менее перед началом погружения в эту тему я хотел бы кратко ответить на Вашу просьбу о совете — что делать в описанной ситауции? Это не будет «готовый рецепт». Через статьи в журнале серьезную работу с подобными проблемами вести невозможно, это требует времени и незаочного участия специалиста. Я лишь

постараюсь обозначить здесь несколько тезисов, вокруг которых такая работа обычно разворачивается.

так, первое. Каждый человек уникален. Каждому Бог уготовал путь, пройти который предстоит ему и только ему. Искать этот путь — его право и его ответственность, данные ему Богом.

Второе. Каждый человек может ошибаться. И родители тоже.

Наконец, третье. Главный признак взрослости в конфликтных ситуациях с родителями — способность самостоятельно принимать решения, нести ответственность за их последствия и при этом сохранять любовь к родителям даже там, где ты с ними несогласен.

Вот все, что я мог бы сейчас сказать лично Вам. То, что будет написано дальше — моя попытка осмысления своего детского и родительского опыта в отношении той проблемы, с которой Вы сейчас столкнулись. Надеюсь, эти размышления окажутся в чем-то полезными и для Вас.

Даже любящие родители способны навредить ребенку, когда не могут отделить его от себя

Есть обидные слова, которые слышишь от родителей еще в детстве, а застревают они в памяти на всю жизнь. Для меня такой «занозой» стала мамина фраза, сказанная во время какой-то нашей пустяшной ссоры: «Кто ты такой? Ты — часть моего тела. Потому что я тебя родила!» Было мне тогда лет семь или даже меньше. Но я до сих пор помню, какую волну протеста вызвали в душе мамины слова. Правда, умом я тогда еще не понимал — почему. Чувства говорили, что мама категорически не права в этом своем заявлении. А слов, чтобы выразить свое несогласие, еще не было. Просто хотелось спрятаться куда-нибудь подальше и плакать.

Сейчас я точно знаю, чтó меня тогда так возмутило и расстроило. По этой фразе получалось, что меня как бы и нет на свете. А то, что я считал собой, на самом деле — лишь продолжение мамы. И, значит, она решает, чтó этой части ее тела следует делать, думать, чувствовать. Ведь не может же часть тела иметь свое отдельное мнение, свои желания, мысли...

К сожалению, это не какой-то только лишь мой уникальный частный опыт. В подобную ловушку неправильного отношения к своему ребенку попадает множество хороших, самоотверженных и любящих мамочек. Не сумев отделить себя психологически от своего ребенка, считая себя с ним одним целым, они — давшие ему жизнь — потом долгие годы будут оспаривать его право распоряжаться этой жизнью самому.

«Сема, хватит гулять, иди домой! — Что, мама, я уже проголодался? Нет, сына, ты уже вспотел». Смешно? Ну да, смешно. Если со стороны на это смотреть. А изнутри тут веселого мало. Ребенок в этом анекдоте лишен собственных чувств, лишен своей воли. Он лишь пытается угадать мамины чувства, которые она приписывает ему. Ведь если он ошибется, мама расстроится: ее «часть тела» вышла из подчинения, перестала быть контролируемой и управляемой. Вот он и старается изо всех сил. И маму такой вариант отношений вполне устраивает. Чуть позже она объяснит сыне, что в музыкальной школе он хочет учиться не на гитаре, а на скрипке. Что в спортклубе он хочет заниматься не боксом, а плаванием, что на роликах кататься он вообще

не хочет. Потом мама будет объяснять, какие у него должны быть друзья, какие девочки ему нравятся, а какие нет, в какой институт он собирается поступить. И нельзя сказать, что этот мамин выбор будет так уж плох. Нет, он будет вполне разумен и целесообразен. Правда, выбор этот не будет принадлежать ее сыну. Ну так ведь сын и сам себе не принадлежит, он лишь «часть тела», мамина кровиночка…

Ответьте себе на вопрос: вы сейчас стараетесь для ребенка или на самом деле — для себя?

Традиционно принято считать, что любой родитель желает для своего ребенка блага, только блага и ничего кроме блага. Сейчас, вырастив четверых своих детей, я точно знаю, что это не совсем так. Сам по себе факт родительства еще не делает человека святым. У родителей тоже есть эгоизм, есть слабости и капризы, упрямство и нежелание понять другого человека — своего ребенка, например. И очень важно бывает в своих родительских заботах вдруг взять паузу, остановиться и подумать — а чью потребность я сейчас удовлетворяю, моего ребенка или свою собственную?

В какой-то момент я с неприятным удивлением понял, что всегда покупал детям лишь те игрушки, которые нравились мне самому. И внутренне раздражался, когда не видел у детей ожидаемой радости от этих моих подарков: «Как? Вам не нравится то, что нравится мне? Да как вы смеете!» То же самое происходило потом с музыкой и кинофильмами, с книжками и одеждой. Меня возмущал их радостный смех, когда они смотрели какую-нибудь молодежную комедию. Сердили их армейские берцы и байкерские косухи с пристегнутыми к ним булавками. Доводил до ярости тупой панк-рок, который они слушали.

Спустя годы я вижу, что все это было обычной моей родительской злостью на «части тела», которые посмели иметь свои чувства, желания и предпочтения.

Еще одна ловушка, в которую может провалиться родитель, считающий ребенка частью себя, — желание снова прожить в детях свою жизнь, сделать из сына или дочери свой дубль. Тут история может развиваться по двум вариантам. В первом из них ребенок будет вынужден воспроизвести успешно реализованный родителем жизненный сценарий: «Я занималась бальными танцами, любила играть в куклы, носила платья с рюшечками, училась вышивать, печь пироги и благодаря всему этому вышла замуж. Так что, если хочешь быть счастливой в браке, уж будь любезна, следуй моему примеру».

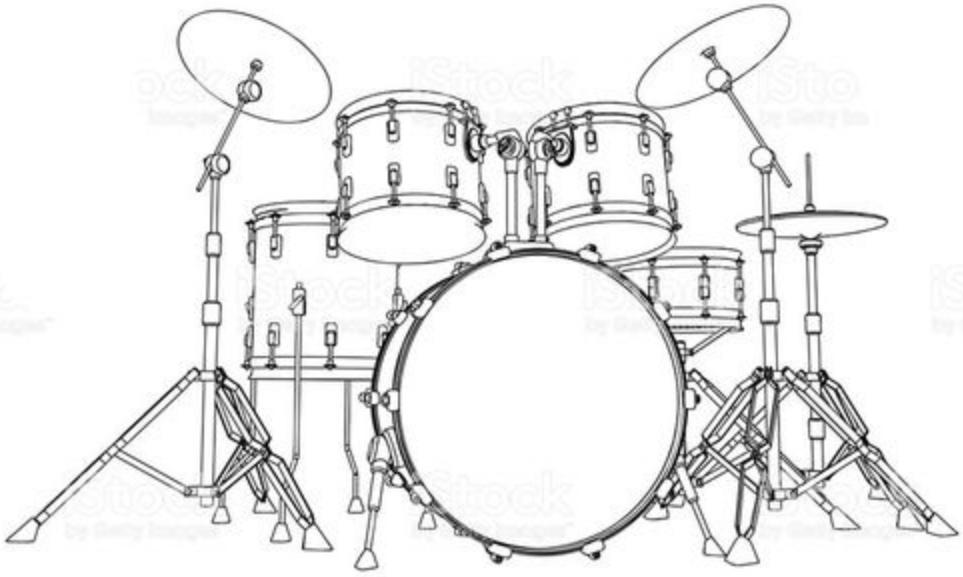
Во втором варианте родители стараются взять реванш у судьбы. Тут ребенку придется осуществить в своей жизни несбывшуюся родительскую мечту: стать юристом, артистом, стоматологом, спортсменом, предпринимателем. А может быть даже просто — выйти замуж. И тогда тот же посыл насчет платья с рюшечками приобретет

совсем иной оттенок: «Я была недостаточно женственной и замуж меня не взяли. Поэтому, ты обязательно должна… иначе…»

Разница между этими двумя вариантами чисто техническая. Вне зависимости от того, реальное или несостоявшееся-идеальное «Я» родителя будет заложено в такую «воспитательную» концепцию, ребенок в любом случае окажется перед серьезным выбором. В раннем детстве ему, уже наевшемуся и сытому, вталкивали в рот «ложечку за папу», «ложечку за маму», «ложечку за киску» и т. д. Теперь же ему предстоит либо еще раз послушно прожить за маму или папу их молодость, либо — все же прорваться к своей собственной жизни, пусть даже через серьезное выяснение отношений с родителями.

Выбор вашего ребенка может очень сильно отличаться от ваших собственных представлений о жизни

У моего друга папа всю жизнь работал на заводе. Много лет был фрезеровщиком высшего разряда, потом пошел учиться и работал в отделе сбыта готовой продукции. А его сын мечтал стать рок-музыкантом. Вот представьте себе только картину: в конце восьмидесятых, в небольшом провинциальном рабочем городке вдруг появляется такое чудо природы — волосы до пояса, джинсы рваные, импортные пластинки, плакаты с такими же волосатыми людьми. Все одноклассники после окончания школы на заводе трудятся, а этот знай себе стучит на барабанах в местном Доме культуры, говорит, что его кумир — Van Halen и заявляет, что тоже будет рок-звездой. Представили? И как должен был себя чувствовать его папа-работяга, глядя на всю эту сыночкину вакханалию, тоже, наверное, представили?

А тут еще сын заявил, что собирает свою рок-группу и что ему, мол, срочно нужна ударная установка. И знаете, что сделал папа? Он несколько недель вечерами после работы приходил в цех и точил на станке детали крепежа и стоек, накатывал из металлического листа барабаны, подгонял винты, барашки и еще кучу всякой барабанной мелочевки. И в итоге сделал сыну ударную установку, которую в те времена даже в Америке можно было купить разве что на заказ. Он был совсем простой человек, вырос в многодетной семье, ничего не понимал в рок-музыке и плохо представлял себе, кто такой Van Halen. Но он верил своему сыну, уважал его выбор и, как мог, помогал ему добиться цели.

Сын действительно стал музыкантом, у него своя группа, своя студия, он продюсирует молодых исполнителей, занимается звукорежиссурой, пишет музыку для театра и кино. Короче, его музыкантская жизнь состоялась. Мы иногда с ним встречаемся, обмениваемся новостями, он через интернет скидывает мне свои очередные записи. Хорошая, стильная западная музыка. Но когда я ее слушаю, в мыслях возникает образ невысокого крепкого русского мужика, который, не обращая внимания на насмешки друзей, вечерами крутит ручки фрезерного станка ради непонятного увлечения сына. И мне почему-то очень хочется быть на него похожим.

В верующих семьях ситуация, когда ребенок принуждается жить не своей жизнью, бывает еще более сложной и болезненной

Заповедь о почитании родителей может сделать абсолютно невозможной любую дискуссию или даже простое обсуждение права уже повзрослевших детей самим распоряжаться своей жизнью. Сам будучи родителем, я могу со стыдом засвидетельствовать, что заповедь эта родителями зачастую воспринимается как некая универсальная индульгенция, позволяющая «списать» себе любой грех в том случае, если он совершен по отношению к собственному ребенку. Написано в Библии «почитай отца своего», значит — почитай, чего бы я ни говорил, каким бы ни был. И попробуй только вякнуть что-нибудь против.

Действительно, нарушителей этой заповеди Закон Моисеев предписывает побивать камнями: *Кто злословит отца своего, или свою мать, того должно предать смерти (Исх 21:17)*. Но сама заповедь о почитании родителей носит не просто родовой или бытовой характер. Дело в том, что народ Израиля представлял собой прежде всего религиозное сообщество. А отец и мать в этом сообществе были для человека самыми первыми учителями Закона. Они первыми рассказывали ему о Боге, о том, как праведно жить перед Ним на земле, учили различать добро и зло. Тот, кто не почитал родителей-учителей, не почитал и сам Закон. Отвергающие же Закон — отвергали и Бога. Такова внутренняя логика этой заповеди, в которой безусловно предполагалось, что отец и мать будут словом, делом и собственным примером наставлять своих детей в праведной жизни.

В Новом Завете этот принцип взаимных обязанностей между детьми и родителями был проговорен уже открыто, не оставляя места для разночтений: *Дети, повинуйтесь своим родителям в Господе, ибо сего требует справедливость. Почитай отца твоего и мать, это первая заповедь с обетованием: да будет тебе благо, и будешь долголетен на земле. И вы, отцы, не раздражайте детей ваших, но воспитывайте их в учении и наставлении Господнем (Еф 6:1–4).*

Увы, родители способны раздражать своих детей, способны обижать их и даже доводить до уныния, как пишет об этом апостол Павел уже в другом своем послании: *…отцы, не раздражайте детей ваших, дабы они не унывали (Кол 3:21).* Поэтому если уж и апеллировать к Священному Писанию в этом больном для многих вопросе, то делать это следует и с учетом возможных прегрешений родителей перед собственными сыновьями и дочерьми. А уж какими бывают эти прегрешения, каждый из родителей, наверное, и сам знает куда лучше любого стороннего наблюдателя.

Святитель Феофан Затворник в своем толковании на это место Библии перечислил наиболее общие примеры подобного рода: *«Не*

раздражайте детей ваших. Образом своего на них действования не доводите их до того, чтоб они могли возыметь на вас неудовольствие, серчание, досаду, гнев. Гнев вообще грешен; гнев на родителей еще грешнее. Не вводите их в этот грех. Это бывает от излишней строгости, от неразборчивой взыскательности и каких-либо несправедливостей, — от чего всего детям иногда бывает теснее рабов».

Станьте для ребенка не хозяином, а тем, к кому он мог бы прийти за помощью и советом

Родителю взрослеющего чада предстоит очень трудная задача. Ему нужно пройти буквально по лезвию бритвы. Где, с одной стороны — пропасть безучастности и равнодушия к жизни своего ребенка, с другой — столь же глубокая и гибельная пропасть гиперопеки, стремления сделать из сына или дочки собственную копию, полное игнорирование их мнений и желаний.

В свое время я очень неумело балансировал на этом лезвии, много раз срывался, падал, ошибался, делал и говорил то, о чем до сих пор жалею. И если бы у меня сейчас была такая фантастическая возможность — обратиться к себе тогдашнему, я бы сказал примерно следующее:

Научись брать паузу перед тем, как выдать очередное свое «воспитательное» заявление. И во время этой паузы загляни в свое сердце, постарайся там увидеть — ради чего ты хочешь сказать слова, которые уже вертятся на языке. Вполне может оказаться, что это просятся наружу какие-то застарелые твои страхи из детства или из юности. Или же раздражает чужая непохожесть на тебя. Или злит выход ребенка из-под твоего контроля. Все это, плюс — еще много чего подобного, не имеющего никакого отношения к реальной пользе твоего ребенка, увы, живет в тебе, и ты об этом точно знаешь. Научись отсеивать эти свои внутренние проблемы из отношений с детьми. И решай их где-нибудь в другом месте с другими людьми, например, у аналоя священника или в кабинете у психолога.

Останавливай себя, когда так хочется сказать своему взрослому ребенку что-либо в стиле «Будь, каким должен». Потому что он уже не должен. Ему теперь свою жизнь нужно прожить. Хочешь прожить ее за него? Тогда добро пожаловать в ад нескончаемого конфликта, который будет тянуться десятилетиями и закончится либо разрывом отношений, либо твоей победой. Но в этой победе ты будешь иметь рядом с собой взрослое или даже состарившееся послушное чадо с

потухшим взглядом, без желаний, без целей, без воли и чувств. Оно тебе надо?

Да, детей хочется уберечь от ошибок. Но без набитых шишек, без опыта самостоятельных решений, пусть и неудачных, они не смогут научиться жить самостоятельно. Ты читал в Евангелии притчу о блудном сыне. Помнишь, что сделал отец, когда сын захотел от него уйти? Отпусти и ты своего ребенка. Он уже взрослый, хотя и неопытный. Он — другой, он — не ты. Ты дал ему все, что мог, а он стал таким, каким стал. Ты его уже не переделаешь. Переделать себя может лишь он сам. Если захочет.

Не нравится выбранная им профессия? Перетерпи. Это его выбор. Ведь не в порнобизнес, не в торговлю спайсами, не в лохотрон обманывать старушек, впаривая им ненужный товар, и в прочие явно мерзкие перед Богом вещи он собрался окунуться. Вот там ты просто обязан был бы его остановить. В остальном — оставь его в покое. Пусть сам.

Мир сегодня меняется слишком быстро, твой опыт во многих областях жизни устаревает раньше, чем ты успеваешь его осмыслить. Научись

спокойно относиться к тому, что твой ребенок лучше тебя ориентируется в каких-то вопросах.

Не нравится стиль его одежды, прическа, цвет волос? Привыкай к тому, что ваши вкусы могут не совпадать. И почаще напоминай себе, что твои представления о красоте отнюдь не являются эталонными.

Хочешь помочь ему? Стань его другом, постарайся жить так, чтобы в случае каких-то жизненных затруднений первым человеком, к которому он обратится за помощью, стал именно ты.

Научись доверять своему ребенку. Без доверия невозможна любовь.

Помни, что ребенок — не твоя собственность, не твое продолжение. Через тебя Бог ввел его в мир, ты лишь служитель этого чуда — сотворения человека. Тебе была доверена драгоценная чаша новой жизни. Ты, как умел, оберегал ее, помогал окрепнуть, напитаться силой, отдавал ей лучшее из того, что имел. Теперь твой ребенок вырос, пришла пора вернуть Богу Его творение. Не пытайся удержать то, что тебе не принадлежит.

ЛЮДИ

Мы все воскреснем

Размышления накануне Лазаревой субботы

Протоиерей Александр Авдюгин

Малой Пасхой и предвестницей Воскресения Христова называют Лазареву субботу. Для нас это действительно так. Ведь мы знаем, чем заканчивается евангельская история. По иному понимался в умах и звучал в сердцах факт воскресения четырехдневного мертвеца современниками Христа.

Восхищение и ужас, радость и страх, жизнь и смерть — эти антонимы чувств соседствовали в те минуты, когда из погребальной могилы-пещеры вышел известный в Иудее человек, похороненный, оплаканный и практически для всех уже навеки «прошлый».

Это чудо, ставшее своего рода водоразделом между теми, кто утверждал, что их Учитель есть действительно Сын Божий, и теми, для кого Он лишь угроза их духовного господства, и в день нынешний

не утеряло своей значимости. Более того, каждый из нас, желает он того или не желает, знает о воскресшем Христе и о воскрешённом Лазаре или остается в неведении о христианской истории, обязательно рано или поздно воскликнет, стоя перед родным и любимым умершим человеком: «Проснись! Встань!»

Христос победил смерть. Воскрешением праведного Лазаря он предначертал Свое Воскресение и наше с вами предстоящее будущее, но та, которую мы изображаем безобразной старухой с косой, до дня нынешнего «госпожа» и объективная реальность. Именно поэтому воскресение Лазаря — это не только апологетический и исторический факт, который столь часто используют в качестве примера и доказательства, но и событие, которое в корне изменяет отношение к смерти как таковой.

Ликование иерусалимской толпы во время Входа Господнего в Иерусалим, то есть на следующий день после восстания Лазаря,— это не признание Христа Богом, а всего лишь радость избавления от страха смерти, который, как бы мы от себя его ни гнали, все едино в нас присутствует. Да, действительно, перед Христом расстилали пальмовые ветви и кричали ему «Осанна!», как царю, но этого не было бы, не выйди из погребальной пещеры «друг Господень». Логика ликующих иудеев проста и понятна: «Если Он победил смерть, то что и кто может Ему противостоять?!»

В начале 90-х, когда я только совершал первые шаги на священническом поприще, в нашей квартире уже довольно поздним вечером раздался звонок. Я открыл дверь и увидел перед собой красивую, богато одетую женщину. Было сразу понятно, что эта дама из ранга высокопоставленных служащих и что она очень много времени уделяет своему внешнему имиджу. Понятно потому, что каждая деталь ее туалета создавала единую картину с ее обликом. Все строго, добротно, выдержанно, красиво и представительно. В темном коридоре разглядеть все детали ее лица было невозможно, лишь позже, когда она, настойчиво и безапелляционно вручив мне пакет с «презентом», присела в кресло я смог внимательно на нее посмотреть…

Такой мольбы в глазах я еще не встречал. Это был не взгляд отчаяния и неизбежности, а именно мольба о помощи.

Далее последовал рассказ о недавно умершем сыне. Единственном, уже взрослом ребенке, добром и отзывчивом, который поступил в институт и радовал родителей своими успехами, приносив им только радость. И вдруг (как же часто это «вдруг» в нашей жизни становится причиной тяжкого горя) — неожиданная болезнь и смерть. Все надежды, планы и мечты, всё то, на чем строилось сегодня и планировалось завтра, что было радостным, счастливым и уже стало естественным, в одночасье рухнуло.

Я слушал эту женщину и боялся, что она вот сейчас, в этот момент остановится в своем рассказе-плаче и задаст мне вопрос: «Что мне делать? Как мне жить? За что меня Бог наказал?» Боялся потому, что в ее словах не было ни слова о Христе, которого я исповедую. Она, по всей видимости, ничего не знала о молитве, о грядущем для каждого воскресении. Для нее Бог если и существовал, то лишь как какая-то отвлеченная сущность, разработавшая правила нравственности, для реализации которых и создана Церковь.

Стремясь предотвратить эти неизбежные вопросы, ответы на которые она бы не поняла и, по всей видимости, не приняла бы их, я решился ее прервать и сам задал вопрос:

— Что вы хотите от меня, обыкновенного приходского священника, чем я могу вам помочь?

Ответ был столь неожиданно сложен, что лучше бы я дождался вопросов и просьб сам.

— Я хочу, чтобы мой сын вернулся.

Пока я собирался с мыслями, вернее, собирал слова в предложение, чтобы хоть что-то ответить, моя посетительница стала приводить мне примеры воскресения из мертвых. И первым был Лазарь четырехдневный.

Не помню, как я успокаивал эту женщину, что говорил и советовал. Наверное, был похож в то время на Марфу, которая отвечала Христу перед тем, как ее брат вышел из гроба: *знаю, что воскреснет в воскресение, в последний день (Ин 11:24).*

Да и что я мог ответить, если от меня ждали не утешения, а воскрешения?

Прошло больше десяти лет, и Господь даровал мне возможность снова увидеть эту женщину. Она сама позвонила. Представилась. Заставила вспомнить тот давний поздний вечер и попросила у меня несколько книг. Договорились встретиться в субботу, в храме. Я еще удивился, зачем ей книжки Шмемана и московской писательницы Олеси Николаевой. Как-то не вязался ее образ с этими авторами, сложно было представить, что может интересовать мою давнюю посетительницу в этих довольно непростых книжках.

В храм вошла красивая, сдержанная, богато и со вкусом одетая женщина.

Я ее узнал. Пошел навстречу. Она же, пройдя мимо, подошла к аналою в центре храма, как принято перекрестилась, поцеловала икону, а уж потом с улыбкой повернулась ко мне и сложив руки «лодочкой» сказала:

— Благословите, батюшка.

Странно, но мне, уверенному, что вера изменяет человека, и знающему, что для Бога все возможно, данное преображение показалось невозможным чудом.

Мы долго беседовали, и перед тем, как она уехала, я все же не удержался и спросил, что дало ей силы пережить горе и прийти к вере?

— Вы знаете, батюшка, я ведь просила многих воскресить моего сына, к кому только не ездила, а потом прочитала все Евангелие до конца и поняла, что ведь мы все воскреснем и наша встреча обязательно будет. Смерть-то Христос победил. И это меня успокоило.

Вот такое жизненное богословие, где чудо воскрешения Лазаря становится реальной уверенностью во власти Христовой над жизнью и смертью не только для тех, кто был в те давние года в Вифании, но и для нас, живущим здесь и сейчас.

Можно ли исповедоваться через Интернет?

И другие вопросы про виртуальное общение со священником

Сейчас все больше людей используют Интернет, чтобы задать свои вопросы священнику. Существует множество площадок, где пользователи спрашивают открыто или анонимно.

На сайте «Фомы» также есть рубрика «Вопросы священнику» (адрес для вопросов vopros@foma.ru). Работая с ней, мы столкнулись с некоторыми трудностями. За советом обратились к наместнику Киевского Троицкого Ионинского мужского монастыря, председателю Синодального отдела Украинской Православной Церкви по делам молодежи, главному редактору православного молодежного журнала «Отрок.ua» архиепископу Обуховскому Ионе, викарию Киевской митрополии.

— Владыка, есть ли такие вопросы к священнику, которые точно не стоит обсуждать в интернет-переписке?

— Я думаю, нужно разделить личную интернет-переписку и публичный формат «Вопросы и ответы священника». Потому что зачастую в личных сообщениях люди спрашивают о самом сокровенном, о том, что никогда бы не озвучили в иной ситуации. К тому же в Интернете пользователи более откровенны, чем при живом общении.

Как мне кажется, ограничений на вопросы для обсуждения со священником в Интернете не существует. Другое дело, что не все они могут быть обнародованы. К примеру, у нас на сайте Ионинского монастыря есть рубрика «Вопросы и ответы», где любой человек может обратиться в письменной форме и получить совет, но в общий доступ выкладываются только те вопросы и ответы, которые могут быть интересны широкому кругу читателей, а большинство остаются неопубликованными.

— Как убедить человека, что в некоторых случаях личное общение со священником необходимо? Учитывая то, что иногда действительно легче общаться в Интернете — благодаря анонимности, отсутствию необходимости идти в храм в незнакомую для многих обстановку. Да и в реальном общении со священнослужителем люди порой не встречают того понимания, которое есть в переписке с батюшкой в сети, но, наоборот, наталкиваются на грубость и неделикатность.

— Думаю, если человек обратился к священнику в Интернете, это говорит о том, что он уже начал интересоваться жизнью во Христе, и рано или поздно, даже если пока еще не решился пообщаться со священнослужителем непосредственно в храме, это обязательно произойдет. Следует все оставить на волю Божию, и Господь обязательно попечется о душе каждого человека.

Действительно, сделать первый шаг бывает непросто, и это особенно актуально для небольших населенных пунктов, где нет выбора, где священники не всегда могут дать квалифицированные ответы на вопросы (быть может, в силу недостаточного образования) или избегают внебогослужебного общения с паствой. К сожалению, такие явления в церковной жизни тоже есть.

В этом случае не стоит пренебрегать общением через Интернет с опытными священниками, готовыми помогать мудрым советом и добрым словом. В сети обычно присутствуют те отцы, которые горят желанием помочь ближнему, хотят миссионерствовать, благовествовать Евангелие, действительно нести тот подвиг, к которому призваны. И поскольку они на все это нацелены, общение является для них радостью, источником вдохновения. Любой пастырь знает, насколько бывает утешительно видеть плоды своего труда, когда человек в результате меняется к лучшему, начинает любить богослужение, жить таинствами, старается вести духовную жизнь.

Однако такие священники, горящие миссией, жаждущие непрестанно благовествовать, к сожалению, не являются большинством. Например, в Украине служат более 10 000 пастырей, в России несколько больше (более 34 000 — Ред.). Из них в Интернете постоянно трудится, наверное, всего пара сотен человек.

Священнослужители все очень разные. Есть действительно добрые пастыри, которые всегда с любовью примут приходящих к ним. Есть те, кто устал, или, как сейчас говорят, выгорел. Бывает, люди подходят к священнику, который находится в данный момент в состоянии скорби, уныния или даже раздражения — ведь он тоже человек.

Святитель Филарет Московский говорил: «Священник — это в первую очередь благоговейный совершитель таинств Божиих». А в наших реалиях батюшка несет и множество других обязанностей: он и прораб, и строитель, и муж, и отец. На нем висит масса дел. И потому не удивительно, что он не всегда в состоянии — как физически, так и духовно — уделить должное внимание пришедшему к нему с вопросом человеку. Зачастую ведь бывает, что батюшку перехватывают буквально на бегу, в этот момент он может спешить на требы, может быть уставшим после совершения богослужения, молебна, нескольких крестин, причащений больных и так далее.

У вас возникли какие-то вопросы? Лучше попросите назначить вам время для встречи и спокойной беседы. Если же в силу каких-то причин священник из ближайшего храма не может с вами пообщаться, можно задать волнующие вас вопросы и через Интернет, ведь в сети люди общаются, когда им удобно, когда они к общению расположены.

Но я бы советовал никогда не останавливаться в поиске. Если вы живете в большом городе, постарайтесь найти возможность общения со священником вживую, а если особого выбора нет, то просто ходите в храм Божий, потому что в церковь мы приходим не к священнику, а к Господу, чтобы участвовать в Его таинствах. К батюшке же обращайтесь за тем, для чего он поставлен: за благоговейным совершением таинств Божиих — исповеди, причастия, тех или иных церковных чинопоследований.

Очень важно иметь милосердие друг ко другу, в том числе и к священникам, которые несут тяжелейший подвиг служения (особенно в небольших населенных пунктах, где на приходе может быть один батюшка, которому попросту не хватает сил, чтобы все и всех охватить).

— Могут ли быть ситуации, когда никак не обойтись без живого общения со священником?

— Безусловно. Это, в первую очередь, касается церковных таинств. И прежде всего таинства исповеди, так как исповедоваться через Интернет все-таки не получится. Каким бы откровенным ни был разговор и какие бы личные и откровенные вопросы, в том числе покаянного типа, ни обсуждались в переписке, все равно без непосредственного участия священника таинство исповеди совершить невозможно. Рано или поздно человеку все равно придется прийти к тому, что личное общение со священником необходимо.

Я не говорю о тех случаях, когда духовное чадо, с которым священник хорошо знаком и давно его знает, находится в отъезде и временно они не могут общаться лично. В таком случае в порядке исключения священнослужитель может выслушать исповедь по телефону, или получить ее в виде электронного письма, или даже смс-сообщения, и прочитать разрешительную молитву.

— Можно ли иметь духовника по переписке? Особенно, когда рядом нет храма, или он есть, но со священником не складываются отношения, или частые переезды мешают регулярному личному общению с духовником.

— Мне кажется, возможно. Я знаю о случаях, когда в 1920-х — 1930-х годах (это касается и русской эмиграции, и наших новомучеников), не имея возможности непосредственно общаться с духовниками, люди писали им письма с вопросами. И зачастую, если обеспечивал переписку надежный человек, то и исповедь совершали через письма. Но это, скажем так, форс-мажорные обстоятельства.

Вообще в этом вопросе нужна большая рассудительность. Ведь часто человек по гордости не хочет обращаться к тому священнослужителю, который находится рядом с ним, считая его, быть может, ниже себя, недостойным того, чтобы исповедоваться и окормляться у него, и ищет себе какого-то экзотического духовника, скажем, на Афоне, или какого-то известного священника. К сожалению, такие случаи есть.

Я знаю людей, считающих, что они имеют духовников на Афоне в греческих монастырях. Но духовник — это тот, кого можно сравнить с

лечащим врачом. Он не может находиться далеко постоянно, но должен быть рядом, всегда готовый прийти на помощь. И если случается падение или возникает какая-то духовная проблема, как человек, не зная греческого языка (потому что в таких случаях исповедуются обычно через переводчика), не имея оперативной связи с духовником на Афоне, может восстать и опять идти ко Господу?

Безусловно, тут присутствует доля лукавства. Такие христиане пытаются жить духовной жизнью «от поездки до поездки» на Афон или в любой другой удаленный монастырь. И это становится все более модным явлением. Как сейчас говорят — «в тренде». Но я, честно говоря, не видел преуспевающих в духовной жизни при таком духовном окормлении.

— Как быть с регулярной исповедью, если фактически духовник далеко и человек общается с ним по переписке, а исповедоваться нужно другому священнику, который служит рядом?

— Такой вопрос нужно решать с духовником. Я бы благословил исповедоваться у батюшки в ближайшем храме, а вопросы об устроении духовной жизни решать с тем человеком, который вас духовно окормляет.

Бывают случаи, когда люди имеют духовников в других городах. Но все равно с той или иной периодичностью приезжают к духовнику, беседуют, исповедуются. Потому что священнику важно видеть ваши глаза. Все-таки духовничество — это общение, прежде всего, в таинстве Исповеди. Оно может совершаться удаленно только в самых крайних, неординарных случаях (в смертельной опасности или когда нет никакой иной возможности исповедаться). Но таких случаев не так много.

Поэтому стоит разделять понятия священник — духовный собеседник, который помогает вам разобраться в духовной жизни, дает ответы на какие-то вопросы, и священник-духовник, знающий вашу духовную жизнь, совершающий таинство исповеди и перед Господом отвечающий за ваше духовное состояние.

Бывает, что священник, с которым вы давно общаетесь, сказал вам одно, а на исповеди местный батюшка, возможно, видящий вас впервые, говорит другое. В таком случае нужно прислушаться все-таки к тому, кто хорошо вас знает, с кем у вас налажены контакты. Но не так, что вы обратились на сайт с анонимным вопросом и получили безличностный ответ. Все-таки должно происходить духовное взаимодействие между людьми — хотя бы собеседование, а не просто формат «вопрос-ответ» в анонимном режиме.

Если личное общение есть, можно батюшке сказать, что «местный священник говорит иное, не совпадающее с вашим, мнение». Думаю, пастырь обязательно подскажет, как лучше поступить в той или иной ситуации, чтобы со священником, который служит в вашей местности и у кого вы исповедуетесь, не возникло недопонимания, противоречия и конфликтов.

Когда кто-то из моих духовных чад вынужден на продолжительное время уехать, сменить место жительства и сталкивается с некими разночтениями в жизни новой для него церковной общины, я обычно рекомендую поступать так, как принято в той местности. Потому что «в чужой монастырь со своим уставом не ходят». В любом случае это Церковь Божия, православный храм, где совершаются все церковные таинства, и ту благодать, которую люди получали, участвуя в духовной жизни на нашем приходе, они получат и там, проявляя послушание Церкви.

Поэтому всегда нашим прихожанам советую подстраиваться к тем условиям, в которые они поставлены. Если приехали жить или работать в Европу, празднуйте как принято там — по новому стилю. Если служит консервативный священник, требующий длительного поста перед причастием или не разрешающий часто причащаться, лучше смириться и поступать так, как заведено именно в этой церковной общине — дабы не смущать собратьев, и в первую очередь настоятеля, своим «особым духовным благочестием» или духовными привычками.

— Как правильно налаживать общение со священником «в реале»? Как искать священника, духовника — какая тут может

быть «техника безопасности»?

— В Православии, слава Богу, нет министерства единомыслия. Как говорил апостол Павел: *Ибо надлежит быть и разномыслиям между вами, дабы открылись между вами искусные (1 Кор 11:19)*. Кто-то склонен к максимальной строгости к себе, акривии* по отношению к себе, стремится выполнить все церковные предписания «от и до». Другому ограничения и рамки совсем не нравятся. В данном случае главное — чтобы человек находился в полноте Православной Церкви, жил таинствами, причащался, исповедовался, вел духовную жизнь.

Различия — неизбежны, ведь сколько людей, столько характеров, особенностей. И стричь всех под одну гребенку невозможно. Поэтому, если есть возможность выбора духовника, лучше походить по храмам, послушать проповеди священников, почитать их интервью, посмотреть, как они живут. И исходя из этого, выбрать священника, которому вы бы могли рассказать о своих духовных проблемах без боязни и стеснения, близкого вам по духу. Это, мне кажется, главный критерий выбора духовника.

Священник может быть даже не особо искусным, «продвинутым» и известным, но если любит Бога и людей, а это обычно всегда видно, он будет хорошим духовным наставником.

— Есть ли выход из противоречия: как врач не может лечить болезнь по телефону, Интернету, так и священник на расстоянии не узнает всех обстоятельств духовной жизни человека. С одной стороны, любое обобщение делает ответ неверным для кого-то другого, с другой — людям негде больше спросить, а вопросов масса. Многие ищут ответы на свои вопросы в опубликованных ответах на чужие и только потом решаются задать свой вопрос…

— С этим сравнением я не соглашусь. Есть простые болезни, которые вполне лечатся по телефону: человек звонит, называет явные симптомы, и на основании этого квалифицированный врач может поставить достаточно точный диагноз и порекомендовать лекарства и методы лечения. Но бывает и так, что по телефону можно получить только первую медицинскую помощь, а глобально вылечить болезнь нельзя: необходимо стационарное лечение под наблюдением врача.

Так и в духовной жизни — можно получить первую неотложную помощь удаленно, но без участия в таинствах, без личного участия священника, без благодати Божией, которую Господь подает через священнослужителей, преуспеть достаточно сложно.

Беседовал протодиакон Александр Карпенко, главный редактор журнала «Фома в Украине».
Фото из архива архиепископа Ионы

---

* Акривия [греч. — строгость, точность] — способ решения вопросов с позиции строгой определенности, не терпящей отступления от основных начал христианского учения. — Ред.

Церковь живет не в виртуальном мире

Миссия Церкви может и должна быть широко распространена в интернет-пространстве. Блоги, социальные сети — все это дает новые возможности для христианского свидетельства. Не присутствовать там — значит расписаться в собственной беспомощности и нерадении о спасении собратьев.

Сейчас, когда к церковной жизни в социальных медиа проявляется огромный интерес, пусть и не всегда здоровый, наш долг — обратить его во благо, создать условия для того, чтобы молодежь знала о Христе, знала правду о жизни людей Церкви. Это большая и кропотливая работа, к которой мы все призваны.

Вместе с тем Церковь живет не в виртуальном, а в реальном мире, в котором творятся добрые дела, проявляется пастырское участие и любовь, в котором, наконец, совершается Божественная литургия. Образ человека, который живет преимущественно в медийном пространстве, — далек от христианского идеала. Красоту Божьего

мира не может заменить искусственно созданное людьми пространство для коммуникаций. Это замечание я обращаю и к пастырям, которым Интернет подчас заменяет реальное общение с паствой. Виртуальная миссия не может подменять собой приходскую работу, но должна лишь ее дополнять.

Патриарх Кирилл
Из доклада на Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви 2 февраля 2013 года.
Заголовок дан редакцией

Памяти отца Аркадия

15 февраля скончался иерей Аркадий Шлыков, клирик Петрозаводской и Карельской епархии, настоятель храма Рождества Богородицы в селе Колодозере и храма преподобного Антония Сийского в селе Шальском на Онежском озере.

Двадцать с лишним лет назад он, москвич, студент РГГУ, изучавший культы мексиканских индейцев, панк, поклонник Егора Летова, приехал с друзьями в эти карельские края, тогда еще не зная толком зачем. Они жили на лесных охотничьих заимках, ловили рыбу, дружили с жителями окрестных деревень, наслаждались красотой и спокойствием Русского Севера. А через несколько лет поняли, что нельзя от севера только брать. Пришла пора отдавать. Самих себя. Решили, что заново возведут храм Рождества Богородицы, а Аркадий станет в нем священником. Шли к своей мечте несколько лет. Храм, как водится, строили всем миром: реставраторы из артели Дмитрия Соколова, деревенские жители, друзья возрождающейся общины

внесли посильный вклад. В 2005 году Аркадий закончил Московскую духовную семинарию, стал священником. Так в селе через четверть века начала возрождаться приходская жизнь. Суровые местные поначалу с подозрением отнеслись к косматому, похожему на рокера батюшке, но потом полюбили его всей душой. Они приняли его свободу, внешнюю и внутреннюю, оценили его характер — миролюбивый и мягкий.

Бескорыстие и доброта отца Аркадия подчас граничили с юродством. Его невнимание к себе, своему здоровью выводило из себя его друзей и близких. Он жил, как считал единственно правильным. Отдавая себя без остатка. Стоя часами на морозе, пытаясь поймать попутку, чтобы ехать на дальний приход, крестить человека. Привечая и давая кров сиротам, бездомным, бродягам, просто опасным проходимцам. К сожалению, далеко не все люди платили ему добром. Сердце священника не выдержало.

Очень многие люди осиротели с уходом отца Аркадия. Но он будет жить в книгах, в рассказах, в бесчисленных колодозерских байках, в историях, которые сам любил рассказывать.

Для своей книги «Круг земной. Колодозеро» я записала несколько историй, рассказанных мне отцом Аркадием в разные годы.

Вот некоторые из них.

Екатерина Соловьева

«Давай, отец, крести меня!»

Иерей Аркадий Шлыков

Я слабый*

Мне часто говорят, мол, ты такой сильный, такой крутой, что остался тут в Колодозере жить и служить в храме. А я говорю, нет, наоборот! Крутые это те, что приехали сюда, сердце свое и душу тут оставили, но нашли в себе силы вернуться в обычную жизнь. А я как раз слабый, я не смог, я тут остался.

Девочка с крестиком

Один раз крестил я на Пасху человек семь разом. Позади всех стояла девочка лет пяти — с крестиком на шее. Значит, крещеная, — решил. Огласительная беседа прошла, она очень внимательно ее прослушала и молитвы все тоже. Когда мы в дьявола дули и плевали, она попросила: «Дедушка, а можно я тоже?» Потом попросила окропить ее водой, потом крест поцеловать. Ну, думаю, раз нравится малышке, почему нет? И свечку попросила. Говорю ей, сейчас пойдем крестным ходом вокруг храма, я тебе самую большую свечку дам! Когда стал миром мазать крещаемых, смотрю — чуть не плачет. «Дедушка, а как же я»? («дедушке» 40 лет) И после отпуста уже она подошла к купели и вовсе разрыдалась: «Дедушка, я тоже креститься хочу!»

Оказалось, ее дед привел в храм, крестик ей сразу сам надел и ушел, не сказав мне даже, что внучку крестить привел, что некрещеная она! Ну я и покрестил ее, конечно же, как надо, тем более что все молитвы она очень внимательно прослушала. Она потом уже от счастья плакала. Вот какой человек — малышка пятилетняя, а как креститься хотела! Очень меня поразило ее желание, такое сильное, такое чистое и искреннее — креститься.

Бог

В ноябре прошлого года я шел в сторону дороги, чтобы поймать попутку до Шальского, где должен был служить литургию. Холодно, иду в своем черном пальто, оно на ветру развевается. Навстречу мне пацан лет шести — идет из школы. Остановил меня и говорит: «А я знаю, кто ты. Ты Бог! Я тебе молюсь».

Как не подраться на крестинах

Крестил я на дальнем приходе человек десять. Обряд подходит к концу, как в храме появляется мужичок. Навеселе, настроен на драку. Встал в полукруг с крестящимися, не сняв кепку.

Я один раз сделал ему замечание, другой. Тот нехотя снял головной убор, уселся на стул и громко так заявил:

— Отец, а когда крестить будешь?

Говорю, мол, как раз крещение идет сейчас.

— А я тоже креститься хочу! Давай, отец, крести меня! — уселся поудобнее на единственный стул, закинул ногу на ногу.

Один из мужиков не выдержал:

— Выйди из храма, Василий, ты пьян!

Ну а Вася этот был уже на взводе, на драку настроен, и пошел с кулаками на мужичка.

Вдруг между ними встала наша прихожанка, староста храма. Вывела нарушителя на крыльцо. Взяла за руку, тихо, спокойно.

— Вась, это хорошо, что ты креститься собрался. Только сейчас тебе нельзя — ты выпил. Вот протрезвеешь, подумаешь о жизни, — тогда и приходи, батюшка поговорит с тобой. А пока — сходи-ка на концерт, вон в клубе через дорогу как раз идет ко дню села.

И этот Василий весь вдруг как-то обмяк, успокоился, кивнул и побрел в сторону клуба, сжимая в руке свою кепочку. А я продолжил обряд крещения.

Камушки

Недавно совсем было, вспомнил. Шли из магазина домой, с пакетами. Зима еще не началась, но озеро замерзло гладким прозрачным льдом. Видим, пацаны лет двенадцати забавляются — пускают по льду камушки, и те катятся, шурша, за сотню метров, на другой конец озера. Мы смотрели-смотрели, а потом бросили пакеты, стали подбирать камешки, — сорокалетние бородатые мужики... Часа два их катали, отбирали друг у друга: «дай мне, нет, сейчас моя очередь, смотри, мой дальше укатился». А дома дела, обед готовить надо, гусей кормить — обо всем забыли...

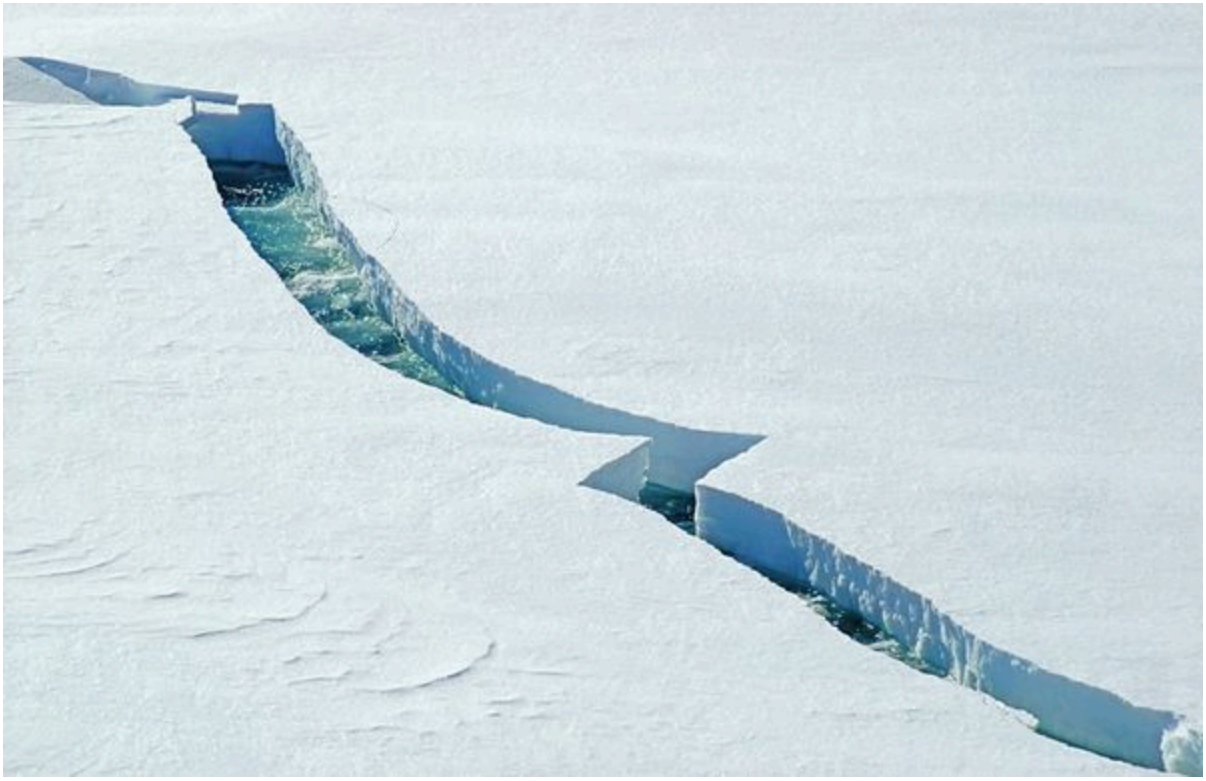
Карелия, 2009—2017
Фото Екатерины Соловьевой

** Отрывки из книги Екатерины Соловьевой («The Earth‘s circle. Kolodozero».*
Издательство Schilt Publishing. Амстердам, 2018) публикуются на русском языке впервые. — Ред

Испытание пробкой

Вчера вечером мы попали в огромную пробку. Маршрутка двигалась по полметра в пять минут в плотной толпе машин и грузовиков. Все копались в смартфонах и айфонах — искали причину. Выяснилось, что где-то впереди, в Заврайоне, авария, и гаишники пропускают по одной-две машины.

Прошло минут пятьдесят. Я прочитала бóльшую часть вечернего правила — кроме совсем уж предсонных молитв — и не знала, что делать дальше, хотя понимала, что надо терпеть.

Терпеть — очень емкий глагол на самом деле, очень глубокий. Терпеть можно по-разному. Можно тупо — сиди и терпи, раз ничего сделать нельзя. А можно…

Можно принять ситуацию как она есть. Вот, поздний вечер, зима, битком набитая маршрутка, пробка… Но это тоже часть твоей жизни, понимаешь? Эти минуты так же невозвратимы и бесценны, как любые другие!

Нет, тему для благочестивого размышления искать не нужно. Молиться — это хорошо и правильно. Но прежде всего нужно просто принять. Принять без ропота — это даст гораздо больше, чем любые размышления. Потому что это изменит тебя самое, это сразу взрыхлит и польет твою сердечную почву.

Ропот — это бессильное биение мухи о стекло. Ропот — это неизбежная нервозность и обострение старых обид — вот, полезли уже, одна за другой!

Нервозность требует разрядки, и я, непонятно зачем, произношу вслух: «Чего мне стоило сесть на сто десятую!» (другая дорога в Заврайон).

Короче, экзамен под названием «Пробка» я заваливаю.

Но у меня еще (самооправдание) натура такая — мне надо действовать. Когда мы вылезли из маршрутки в сугроб, а под сугробом оказалась вода (очередной прорыв), а мороз, а к трамвайным путям никак не пройдешь — только лавируя среди машин… мне было уже легче. Я могла действовать, искать выход.

На трамвайной остановке какая-то девушка вдруг мне улыбнулась: «Вы тоже из нашей маршрутки!»

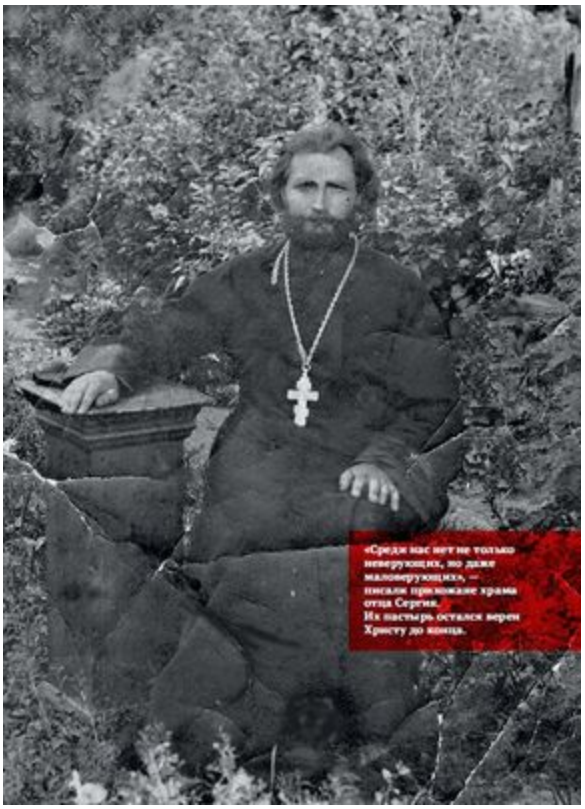
Трамвай пришел, вписаться в него удалось. Это было счастье!

Марина Бирюкова

НОВОМУЧЕНИКИ

Священномученик Сергий (Воскресенский)

1890–**11.03.1933**

Отца Сергия приговорили к заключению и отправили в лагерь на Беломорско-Балтийском канале. В суровых условиях он пережил там осень и зиму, но в начале весны отца Сергия посадили в камеру с уголовниками. Они сняли с него одежду и выставили на мороз. Это стало последним ударом по измученному тяготами заключения священнику…

* * *

Священномученик Сергий родился в 1890 году в семье настоятеля Иоанно-Предтеченской церкви в селе Дьякове (ныне Коломенское) Московской губернии Сергия Воскресенского. По окончании в 1915 году Московской духовной семинарии он был назначен учителем словесности в школу при Князе-Владимирском монастыре в Подольском уезде, основанном в 1890 году в живописном холмистом месте при селе Филимонки. В 1916 году Сергей Сергеевич обвенчался с дочерью священника Александрой Николаевной Никольской и был рукоположен во диакона, а в 1920 году — во священника ко храму Иоанна Предтечи на место почившего отца.

Здесь отцу Сергию пришлось столкнуться с гонениями против Церкви, наступившими после захвата большевиками власти. В 1923 году комиссия под председательством жены Льва Троцкого, Н. И. Троцкой, составила акт о закрытии храма Иоанна Предтечи и передаче его музейному отделу Главнауки. В том же году власти Москвы постановили забрать храм у верующих, а его здание передать отделу музеев и охраны памятников искусства и старины Народного комиссариата по просвещению, и в феврале 1924 года храм был передан отделу.

Церковная община не согласилась с этим решением и подала ходатайство об открытии храма. «Православный приход, объединенный нашим храмом, — писали прихожане, — включает в себя четыре больших подмосковных селения <...> с населением тысяча девятьсот — две тысячи душ. <...> Среди нас нет не только неверующих, но даже маловерующих. Воспитанные на началах старого деревенского уклада жизни, мы привыкли всю нашу трудовую жизнь, во всех ее этапах, связывать с кругом жизни церковной,

подчиняя первую последней, и до конца дней своих мы не изменим этим своим традициям». Это ходатайство власти не удовлетворили.

Церковь Иоанна Предтечи в селе Дьякове. Здесь служил отец священному-ченика, а после его смерти сам отец Сергий. В 1923 году храм был закрыт

После закрытия храма Иоанна Предтечи отец Сергий перешел служить в расположенный неподалеку храм Казанской иконы Божией Матери в селе Коломенском, где действовал тогда еще второй храм — во имя великомученика Георгия. Жители Коломенского в то время держали большие огороды и сады и зарабатывали на жизнь продажей ягод, фруктов и овощей, которые поставлялись ими на рынки Москвы. Чтобы прокормить семью, отец Сергий вместе с крестьянами возил на рынок малину, яблоки и вишню.

В 1929 году администрация музея стала ходатайствовать о закрытии храмов и здесь. «При проведении культурно-просветительной работы по музею архитектурных и бытовых памятников в селе Коломенском

весьма существенным недочетом является наличие на территории музейной усадьбы двух действующих церквей, — писали музейщики. — Территория Коломенского привлекает каждогодно все возрастающее количество трудящихся и является одним из наиболее популярных мест массовой экскурсионной работы; помимо обычных пешеходных экскурсий по осмотру музея, здесь устраиваются пароходные массовки с музыкой, физкультурой, купанием, организуются игры, танцы и т. п.

При этой постановке разумного отдыха трудящихся, основной целью которого ставится зарядка бодростью и жизнерадостностью, вклинивается большим диссонансом близость церквей с их обрядностью, колокольным звоном, крестными ходами... Главнаука просит о ликвидации отправления религиозного культа в двух церквях села Коломенского: Георгиевской и Казанской».

Прихожане в ответ направили властям заявление с просьбой об оставлении хотя бы Казанской церкви. Ходатайство их было на этот раз удовлетворено. Однако на пороге уже стояли широкомасштабные гонения на Русскую Православную Церковь, и в ночь с 15 на 16 марта 1932 года отец Сергий и вместе с ним семь прихожан-крестьян были арестованы. Тюрем тогда не хватало, и первое время арестованных содержали в специально устроенном на этот случай концлагере в селе Царицыне. Священника и крестьян обвинили в том, что они распространяли антисоветские слухи, источником которых был, в частности, подросток, житель села Дьяково, рассказывавший, что однажды, когда он ехал из Москвы, то у местечка близ Перервы, называемого Иоанн Богослов, ему повстречался незнакомый старик и попросил подвезти его. Вскоре старик предложил ему оглянуться назад. Обернувшись, тот увидел, что по дороге рекой течет кровь, а над Москвой мчится конница. Старик предложил посмотреть в правую сторону. Там была группа работающих крестьян-единоличников. Мальчик посмотрел налево. Здесь стояли колхозники, одетые в похожие на саваны желтые халаты, а впереди них шла толпа с музыкой. Хотел было мальчик расспросить старика, но того уже не было. Вызванный на допрос в ОГПУ, он подтвердил, что действительно все это видел. «Что это был за старик, я совершенно не

знаю», — завершил он свой рассказ. «Кто тебя научил распускать подобные слухи?» — спросил его следователь. «Никто меня не учил», — ответил подросток.

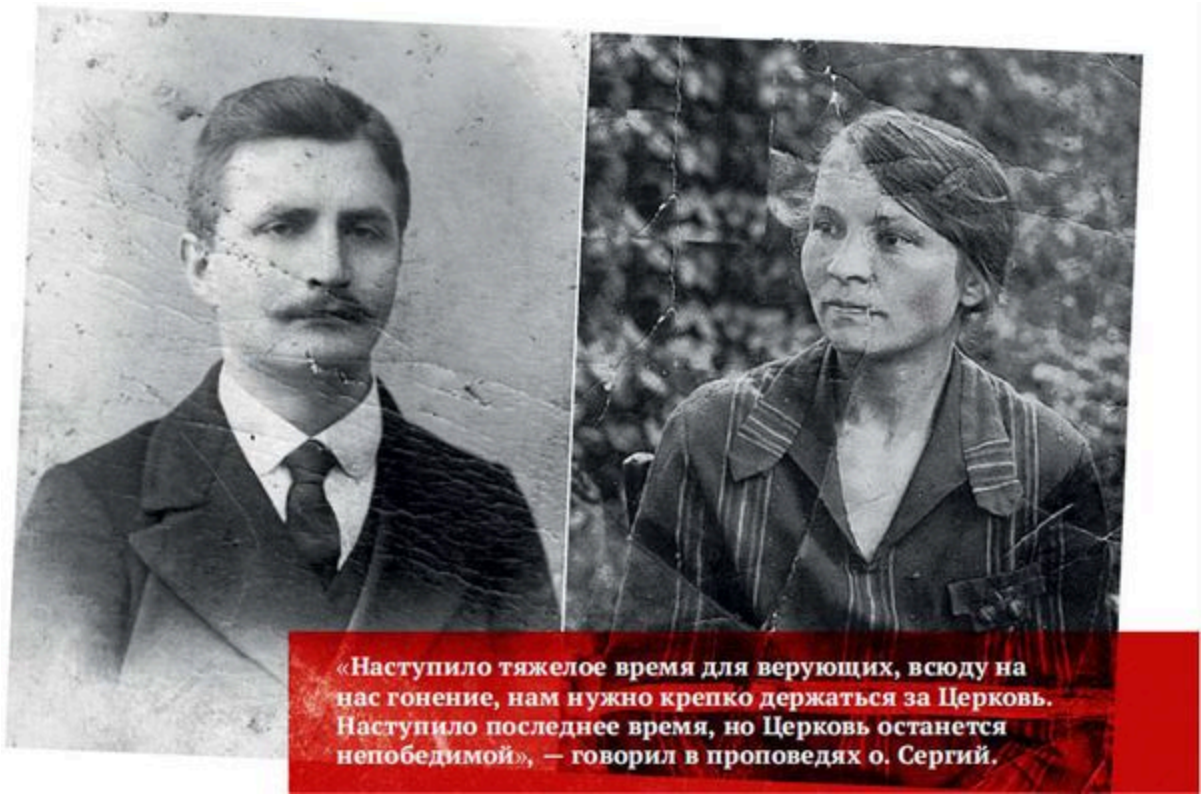
На следующий день после ареста священника и прихожан уполномоченный ОГПУ по Московской области выписал постановление: «Рассмотрев агентурное дело “Теплая компания” антисоветской группировки селения Дьяково, по которому проходит кулацко-зажиточный элемент, <...> который под руководством Воскресенского на протяжении 1931 года <...> ведет антисоветскую работу, направленную к срыву мероприятий партии и советской власти в деревне, <...> постановил агентурное дело “Теплая компания” ликвидировать путем ареста проходящих по нему граждан».

Допрошенные затем свидетели показали, что отец Сергий «среди верующих говорил, что придет время, когда народ будут хоронить без отпевания. <...> Скоро и у нас под Москвой устроят голодную степь, всех лучших крестьян советская власть раскулачивает, арестовывает, ссылает, работать некому. <...> Весь этот гордиев узел, который завязали большевики, может разрубить лишь война». «Священник Сергий Воскресенский говорил: “Советская власть — это красные помещики, которые притесняют трудовое крестьянство, разоряют и закрывают храмы. Но мы должны со своей стороны не примиряться с этими гонениями, а действовать, как первые христиане”. Воскресенский часто говорил проповеди, в которых призывал крестьян крепиться: “Наступило тяжелое время для верующих, всюду на нас гонение, нам нужно крепко держаться за Церковь. Наступило последнее время, но Церковь останется непобедимой”. Будучи у меня в доме и увидев у меня разукрашенные портреты Ленина и членов реввоенсовета, он говорил: “Вместо икон портреты стали украшать”».

Среди других свидетелей был вызван священник Казанской церкви Николай Покровский. «Осенью 1931 года при подведении итогов хозяйственного года была устроена выставка работы колхозов, — показал он. — Я, проходя по селу Коломенскому с Воскресенским, попросил у него посмотреть выставку, на что последний ответил: “Что там смотреть? Если бы это была собственность крестьян, тогда другое

дело, а то всё колхозное, а у крестьянина осталась одна голова собственная, и та скоро с плеч долой полетит”».

20 марта следователь допросил отца Сергия. Отвечая на его вопросы, священник сказал: «Сельсовет Дьякова в 1929 году произвел изъятие у меня части имущества — стульев, столов, шкафов и так далее. Часть из них мне была возвращена, часть не возвратили. Я облагался в индивидуальном порядке налогом. По ягодам мне было дано твердое задание, часть моего дома сельсовет использовал под жительство рабочих овощного комбината, вынудив мою семью проживать в тесноте. При реализации займа мне было предложено подписаться на заем в 200 рублей, я предложил 50. В результате я на заем не подписался. Все это вызывало во мне недовольство советской властью и ее представителями на местах — сельсоветом. Сдавая ягоды советской власти по твердым ценам, я был лишен возможности получить за сданную продукцию хлеб и промтовары, так как продукты питания приходилось покупать на рынке, платя за них по рыночным ценам. <...> несмотря на все это, я <...> имеющееся у меня недовольство окружающим не передавал и агитацией не занимался. Виновным себя в предъявленном мне обвинении не признаю».

В 1916 году учитель словесности Сергей Сергеевич Воскресенский обвенчался с дочерью священника Александрой Николаевной Никольской и был рукоположен во диакона

26 марта 1932 года следствие было закончено. В обвинительном заключении следователь написал: *«В период проведения мероприятий партии и советской власти в части колхозного строительства село Дьяково под влиянием кулацко-зажиточной прослойки оказалось в стороне от колхозной жизни, за исключением некоторой бедняцко-батрацкой части, которая к организации колхоза приступила в конце 1929 года, организовав колхоз из нескольких хозяйств. В последующее время колхоз разрастался за счет бедняцко-середняцких масс и кулачества, и уже в 1930 году село Дьяково было коллективизировано на 90 %.*

В результате засоренности дьяковского колхоза кулацко-зажиточным элементом, благодаря антиколхозной деятельности его <...> колхоз распался, и в нем оказалось только 17 бедняцко-середняцких хозяйств (из числа имевшихся 186). <...>

По поступившим в райотделение сведениям, группа из кулацко-зажиточного элемента под руководством <...> Воскресенского вела антисоветскую агитацию, направленную к срыву мероприятий партии и советской власти. <...> Как один из методов борьбы с мероприятиями советской власти, обвиняемые распространяли слухи о гибели советской власти и нелепые провокационные слухи о том, что один из колхозников села Дьякова якобы видел видение...»

6 апреля обвиняемых перевезли в Бутырскую тюрьму в Москву. 4 августа 1932 года тройка ОГПУ приговорила отца Сергия к трем годам заключения в исправительно-трудовом лагере. Он был отправлен в лагерь на Беломорско-Балтийском канале, располагавшийся неподалеку от железнодорожной станции Медвежья Гора. В начале марта следующего года отца Сергия посадили в камеру с уголовниками. Они сняли с него полушубок, затем остальную одежду и выставили на мороз, который в те дни был весьма жесток. Священник Сергий Воскресенский скончался 11 марта 1933 года и был погребен в безвестной могиле.

Игумен Дамаскин (Орловский),
ответственный секретарь Церковно-общественного совета при Патриархе Московском и всея Руси по увековечению памяти новомучеников и исповедников Церкви Русской, руководитель фонда «Память мучеников и исповедников Русской Православной Церкви», www.fond.ru

КУЛЬТУРА

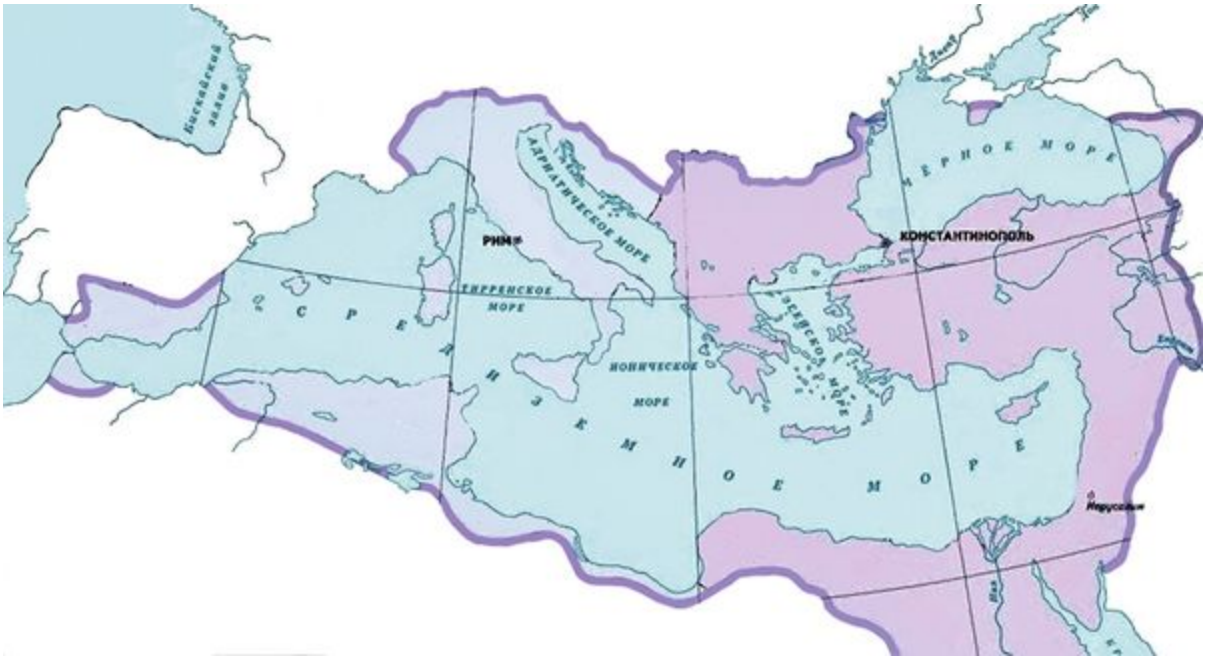
Византийское искусство: прорыв к свету, а не занудство

«В византийском искусстве мы никогда не встретим размышлений над негативными сторонами жизни. Византия создала искусство торжества, праздника, радости. В нем нет трагического, нет темы страха, ужаса, отчаяния. Византийские художники практически никогда не изображали черта. Даже на иконах “Страшный суд” или “Лествица”, где без нечистой силы не обойтись, бесы совсем не страшные. И это, если вдуматься, существенная сторона византийского миросозерцания», — рассказывает Ольга Попова, доктор искусствоведения, один из крупнейших специалистов по Византии. А что еще интересного было в том, как византийские художники видели и чувствовали мир? Об этом наш большой разговор с Ольгой Сигизмундовной.

Что такое Византия

Византия — государство, которое сформировалось после смерти императора Феодосия I (346–395) в результате раздела Римской империи на две части— восточную и западную. Собственно, Восточная Римская империя и есть Византия. История ее растянулась более чем на тысячу лет (395–1453). Византийцы гордо называли себя «ромеями», единственными наследниками Древнего Рима, и по сути имели на это полное право.

Границы Византийской империи VI века

Столетиями Византия определяла политику во всем цивилизованном мире. Отсюда на Русь пришло христианство (988). И древнерусское искусство во многом сформировалось на базе византийского культурного наследия.

Византия подарила миру одну из самых совершенных систем права, множество памятников мировой архитектуры, шедевры пластического и поэтического искусства, богатейшее богословское и философское наследие. Трагическое падение Константинополя под натиском турков-

османов (1453) ознаменовало собой не только гибель Византийской империи, но и символический закат эпохи Средних веков.

Чего не найти в византийском искусстве?

— Ольга Сигизмундовна, но ведь на средневековых западноевропейских иконах и картинах мы постоянно встречаем изображения нечистой силы…

— Конечно, и в этом смысле средневековое искусство Западной Европы разительно отличается от византийского: здесь черти и вообще демоническая сила играют огромную роль в художественном сценарии и построении композиции. Человек, подходящий к романскому собору, должен увидеть такое, от чего он точно придет в трепет. И этот страх должен натолкнуть его на какие-то очень важные размышления. Перед ним разворачивается сцена Страшного суда, где дьявольские силы изображены предельно натуралистично и производят неизгладимое впечатление: у бесов огромные пасти, клыки — сожрут не задумываясь!

Ничего подобного в Византии нет. Здесь в сюжете Страшного суда доминирующую роль играет райская композиция, а адские мучения — вторичны и не оказывают такого устрашающего воздействия на человека.

— Помимо темы страха и отчаяния чего еще мы никогда не встретим в византийском искусстве?

— Реализма. Натуральным, природным, естественным здесь никогда не интересовались. Все свои образы византийские художники создавали над натурой, как бы минуя материальное и прорываясь к вечному. Можно сказать, что они изображали не сами материальные предметы, а божественные «идеи» о них. Нет в византийском искусстве и резкости движений, динамики — здесь все упорядоченно, гармонизированно, созерцательно.

Святая Екатерина Александрийская. XIV в. Музей византийского искусства, Афины

— С чем связаны такие различия искусства западноевропейского и восточного, византийского? Ведь это же одна и та же эпоха…

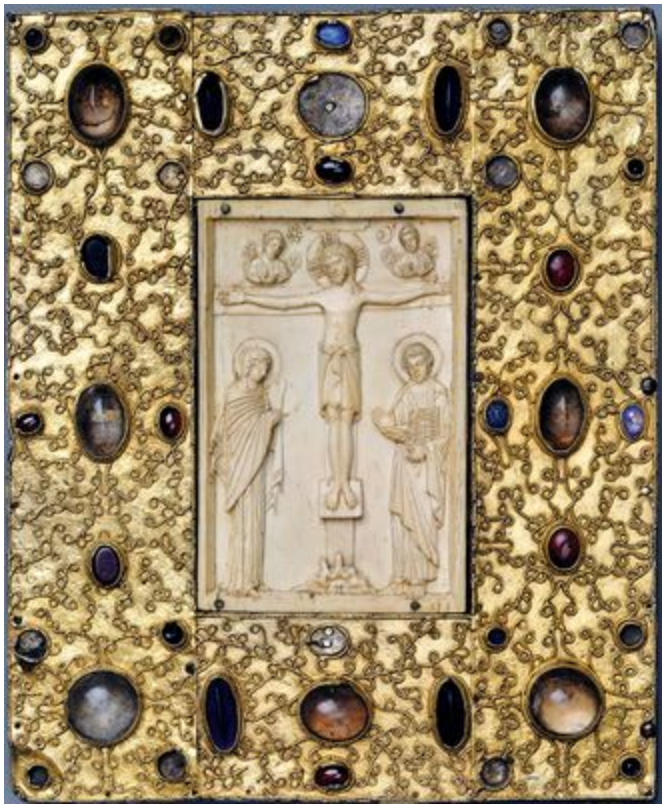
— Чтобы ответить на вопрос, понадобится не одна и даже не две лекции — настолько это огромная тема. Поэтому ограничусь лишь несколькими замечаниями. Во-первых, в западном и восточном христианстве сложились свои специфические мировоззренческие оттенки. В том числе и из-за этого постепенно наметились и различия в искусстве.

Византийское искусство насквозь пропитано классическими, античными образами. Для Византии античность была родным домом, который она никогда не покидала. Здесь не случилось той катастрофы, которая произошла на Западе: древние традиции не пресекались, ремесло развивалось, города продолжали расцветать. Европа же пошла иным путем. После завоевания ее территории варварами она утратила

свое средиземноморское культурное наследие и потом столетиями напряженно пыталась его себе вернуть. И этот поиск классических форм в конце концов увенчался блестящей эпохой итальянского Ренессанса.

Для православного мира самый главный, центральный праздник — это Пасха. Она — вершина церковной жизни, пик человеческого бытия. На Западе же Пасха играет более скромную роль. Там центральным торжеством является Рождество. Даже сегодня если вы в святочные дни попадете в любую европейскую страну, то увидите, с каким размахом отмечается этот праздник: сказочно украшенные улицы, ломящиеся от подарков магазины, праздничная суета, гуляния. Конечно, и у православных Рождество — очень важный и любимый праздник, но все же наивысшее, предельное торжество — это Пасха.

Кроме того, на Западе был сделан акцент на человеческой судьбе Спасителя. Внешний, человеческий образ Христа, перипетии Его жизни здесь, на земле — вот что интересовало каждого западноевропейского художника. Выделяется даже особый иконописный (а позднее и художественный) цикл — страстной, сфокусированный на событиях последних дней земной жизни Иисуса Христа. Нельзя сказать, что подобного цикла нет в православной культуре, тем более, что в Византии он также был очень важен, но все-таки главное в византийском искусстве — это Сам образ, лик Христа, Его внутренняя глубина.

Оклад рукописной книги. Вставка — Распятие Христово. Византия, X в.

— Разве латинское искусство лишено глубины?

— Нет. Я вовсе не хочу, чтобы ваши читатели воспринимали меня как противницу латинского искусства. Это совсем не так. Я лишь пытаюсь передать различие оттенков, не более. Моя французская коллега, профессор Сюзи Дюфрен однажды сказала: «Для вас, православных, самое главное — образ. А у нас главное — это слово, текст. Поэтому у нас не получается так вникать в византийское искусство, как это делаете вы».

Христианская античность: возможно ли это?

— Что было для византийцев источником вдохновения?

— В Византии было и светское искусство. И, по-видимому, чрезвычайно развитое и богатое. Но увы, от него до нас практически ничего не дошло. Если же говорить о религиозном искусстве, то оно выстраивалось вокруг догмата о Боговоплощении: Бог стал человеком, Он стал видим и, следовательно, может быть изображен.

Когда отцы Церкви сформулировали догмат о Боговоплощении, антропоморфное искусство *(ориентированное на изображение человека. — Ред.)*, на котором стояла античность, стало допустимым и в христианском мире. И произошел удивительный сплав, в котором античная форма наполнилась абсолютно новым, христианским содержанием.

Но самое удивительное в другом. История Византии полна убийств, переворотов, подлостей. В этом смысле она ничем не отличается от западной средневековой истории. Это был период, отмеченный приоритетом силы, и идея, что власть может быть получена любой ценой, была одной из главных. И вот в таком византийском обществе, мягко говоря, не отличающемся высокой нравственностью, создается искусство, которое способно размышлять о Божественном на такой головокружительной высоте.

Крест. Константинополь. Около 1100 г.

— А Вы считаете, что подобные размышления — удел аскетов?

— Нет, мне важно показать, что даже несмотря на мрачность и жестокости той эпохи, у византийских художников сохранялась великая устремленность к святости. Они выработали поразительный стилистический язык, с помощью которого создавали глубочайшие образы.

Язык, на котором говорит византийское искусство, безусловно наполнен символами, которые нужно уметь расшифровывать. Но иначе нельзя было решить такую грандиозную задачу: изобразить то, во что человек верит, то есть нечто принципиально невидимое, нематериальное.

— То, что Спаситель или святые на иконах и фресках изображались на золотом фоне — одно из проявлений подобного символизма?

— Конечно. Дело в том, что в сознании византийцев золото символизировало Божественный свет. Вообще-то природа света передавалась не только золотом, но и белилами. К примеру, на фресках Феофана Грека на ликах и одежде святых большие белые «движки» света. И фигуры людей расчерчены световыми линиями. Это так называемые пр́обела (высветление одежд, зданий, горок и пр.) — свет, который насыщает всякую художественную форму. А золотой цвет всегда символизировал присутствие Божественного света.

Можно вспомнить икону Богородицы, которая называется «Ярославская Оранта»*(«оранта» переводится как «молящаяся». — Ред.)*. Она хранится в Третьяковской галерее. На этой иконе вся одежда Богородицы расчерчена массивными золотыми штрихами — так называемыми ассистами, — которые наполняют ее фигуру Божественным светом.

Скучное искусство?

— Художественное наследие Византии представлено главным образом иконописью. Но икона консервативна, подчиняется строгим канонам. Значит ли это, что византийское искусство просто застыло?

— То, что византийское искусство застывшее и занудное — миф.

Оно не знало стагнации. У него тысячелетняя биография *(с IV по XV век. — Ред.)*, со своими взлетами и падениями. И иконописные образы не всегда были одинаковыми: они перерабатывались, дополнялись новыми деталями, реагируя на те или иные исторические события. Икона впитывала в себя и постоянно шедшие в империи богословские споры.

— А как же канон?

— Конечно, иконографическая «догма» сохранялась. Но к XIV веку, в период поздней Византии, иконография становится чрезвычайно разветвленной — умножается количество сюжетных деталей — и все более «разговорчивой», литературной, повествовательной. Но парадокс в том, что вместе с приобретением этого творческого многообразия она утрачивает свою целостность, свой внутренний духовный стержень: он как бы заслоняется этой внешней детальной пестротой.

А вот классический византийский образ не обладает такой «литературностью», и в этом его величайшее значение: в своей предельной простоте византийская икона достигала глубочайшей степени выразительности.

Императрица Феодора. Мозаика. Равенна, VI в.

— И как удавалось сохранять такое единообразие на территории всей империи?

— А в разных регионах империи иконописные школы двигались своими путями, вырабатывая собственную стилистику. Вот, например, после IX века, когда с ересью иконоборчества было покончено, византийское искусство пережило взлет. В Константинополе для Софийского собора создается образ Богородицы с Младенцем, сидящей на троне, а по бокам два архангела — Михаил и Гавриил. Это утонченный образ, с прекрасными аристократическими ликами. Он буквально пронизан тончайшей внутренней поэтичностью. Такой мог появиться только в столице и, видимо, создавался какими-то высокородными, знатными художниками.

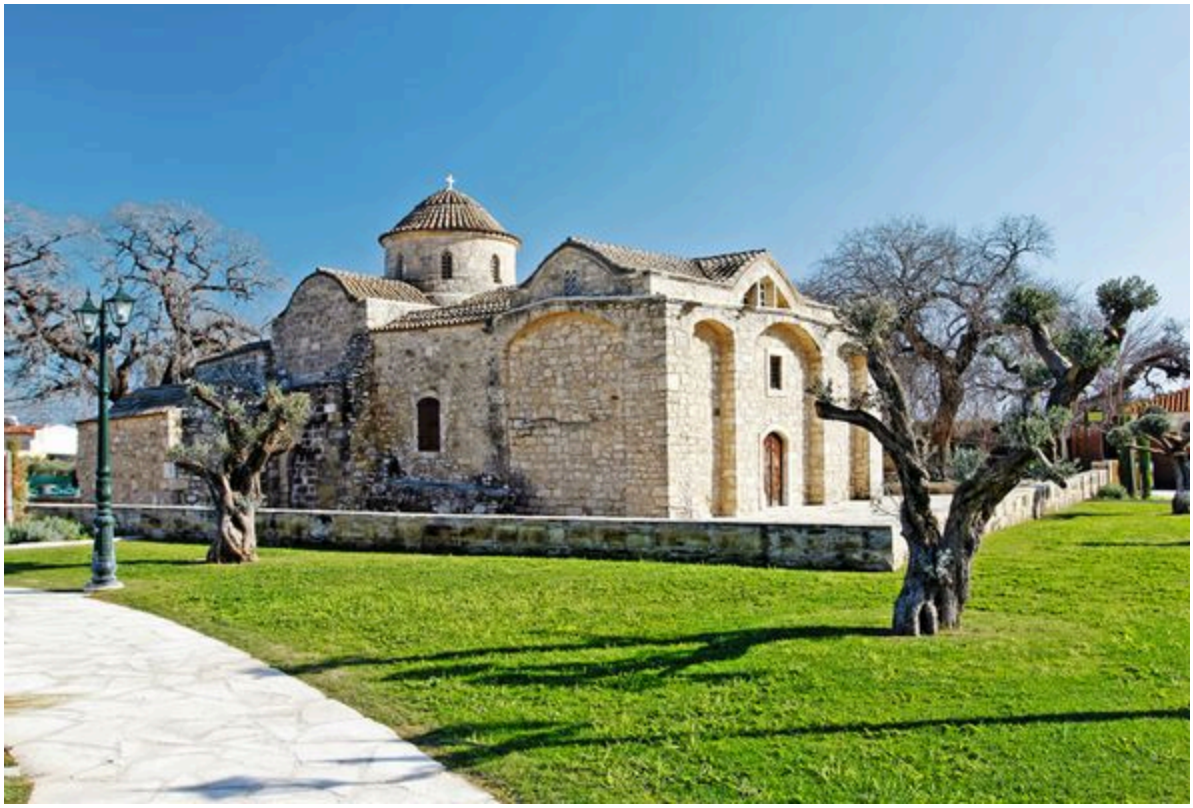
Примерно в это же время в Салониках (территория современной Греции. — Ред.) существует другой художественный центр, создавший мозаики местного Софийского собора. В куполе этого храма —

композиция «Вознесение Христово»: Господь в окружении ангелов поднимается на небо. Христос находится в круге — это сияние Божественной славы, а вокруг расположены фигуры Его учеников и Богородица. В этом образе нет константинопольской утонченности, он выполнен мощно, ударно, экспрессивно.

Византия знала разных мастеров, разные художественные школы, подходы, стили. Поэтому искусство здесь постоянно находилось в развитии.

— А храм для византийцев был только центром религиозной жизни?

— Нет, это был еще и своеобразный информационный центр, настоящая энциклопедия. Попадая в него, человек оказывался в пространстве, наполненном различными изображениями. Здесь были и образы святых, и некоторые моменты их жития, и сюжеты библейской истории, и порой важнейшие события истории государственной — все это формировало специфику мировоззрения, фундаментальный набор представлений о мире и о человеке.

Храм Ангелоктисти, Кипр. Фото Diomedia

Кроме того, священник почти за каждым богослужением читал проповедь, которая нередко касалась каких-то злободневных проблем в империи. В некоторых храмах имелась своя библиотека. Одна из самых крупных находилась в Софийском соборе в Константинополе.

Вообще, о соборе Святой Софии стоит сказать отдельно, потому что он стал своеобразным символом византийского искусства. В нем представлены все наивысшие творческие достижения империи. Это был самый большой собор в Византии. Внутри него — колоссальное пространство, с огромным количеством окон, от чего весь храм буквально залит потоками света. И эти потоки в определенное время дня имеют определенное направление — так искусно они спланированы.

Безусловно, Софийский собор — пример инженерного гения. Взять хотя бы знаменитый купол, который считается самым большим в мире. Он очень тяжелый. И во время строительства, чтобы нейтрализовать

распор *(ту силу, которая стремится обвалить купол. — Ред.)*, пришлось по бокам главного купола достроить еще два полукупола, а к ним с каждой стороны — еще по три. Только так удалось нейтрализовать нагрузку на центральный купол.

Христос Пантократор. Мозаика свода южного купола. Монастырь Хора. Византия, XIV в.

«Сто тысяч полутонов»

— Бытует мнение, что византийская икона никогда не отражала реалии той или иной эпохи. Что по ней, например, нельзя узнать, как одевались византийцы, в каких домах жили и так далее. Это так?

— Нет, это неверно. Художник — это же не какая-то абстрактная величина. Он живой человек, который, создавая икону, вписывал в нее то, что видел вокруг. Например, по изображениям императоров на фресках или иконах вполне можно получить представление о костюмах, принятых при дворе. Более того, можно даже распознать, из каких тканей их шили.

Я много лет занимаюсь древними византийскими рукописями. Когда открываешь старинное Евангелие, перед началом каждого текста изображен евангелист, его написавший. Рассматривать эти миниатюры очень увлекательно. Вот, скажем, один сидит в кресле за столиком и пишет. На столике лежат разные предметы, необходимые для работы: ножики, перышки, краски. А в самом столике есть открытая дверца, за которой видны запасные пергаменты, колбы с разноцветными чернилами, краски, другие кодексы *(книги. — Ред.)*. Есть еще свитки, которые лежат в специальной корзине. Все эти предметы художник не нафантазировал. Он, как человек, который работал в скриптории, прекрасно знал, каким образом и с помощью каких инструментов создавались и писались книги.

Давид пасет стадо отца своего. Книжная миниатюра из «Псалтири». Византия, 1066 г.

— Книжная иллюстрация была распространенным жанром?

— Да, книжной культуре в Византийской империи всегда уделяли большое внимание. Были даже периоды, когда рукопись как вид искусства доминировала над всеми остальными. До нас дошло достаточно много рукописей второй половины XI века с иллюстрациями, над которыми работали лучшие художники того времени. Они пользовались тоненькими кисточками, благодаря чему им удавалось создавать очень маленькие фигуры и лица. Приходишь в изумление, когда рассматриваешь их через увеличительный прибор — они выполнены как полноценные фрески. Для того чтобы передать виртуозность таких изображений, я использую выражение «сто тысяч полутонов».

Такое внимание к книжной культуре в Византии неслучайно. Практически на протяжении всей истории империи влияние

интеллектуальной элиты было очень весомым. Бывало, что трон занимали императоры, которые покровительствовали наукам, культуре, книжному делу. На личные средства они заказывали в скрипториях манускрипты, которые затем дарили монастырям.

В целом византийское общество было очень образованным, с каким-то внутренним духом элитаризма и интеллектуализма. В таком обществе художник просто обязан был становиться мастером: его творчество должно было соответствовать рафинированным вкусам византийцев.

Византийские монеты Василия I

— А что в этом уже таком далеком от нас искусстве может найти для себя современный человек?

— Если человек восприимчив к этим формам искусства, если его притягивает смысловое пространство, то, я думаю, чем глубже он будет погружаться в него, тем больше будет думать о Боге. Византийское искусство устремлено к святости, к Божественному. Оно открывает путь человеческой души к Богу. Но если вы равнодушны к Создателю, боюсь, вам не найти себя в пространстве Святой Софии.

Соприкосновение с византийским искусством — это глоток чистого, свежего воздуха: на душе становится легче, светлее. Но нельзя забывать и о главном: христианство утверждает, что человек призван

стать богоподобным. Как сказал знаменитый богослов, святитель Афанасий Великий: *«Бог стал человеком, чтобы человек стал Богом».* Византийское искусство тем и дорого для каждого верующего, что постоянно настраивает ум на богомыслие.

Беседовал Тихон Сысоев

ОТ ИЗДАТЕЛЯ

«Фома» — православный журнал для сомневающихся — был основан в 1996 году и прошел путь от черно-белого альманаха до ежемесячного культурно-просветительского издания. Наша основная миссия — рассказ о православной вере и Церкви в жизни современного человека и общества. Мы стремимся обращаться лично к каждому читателю и быть интересными разным людям независимо от их религиозных, политических и иных взглядов.

«Фома» не является официальным изданием Русской Православной Церкви. В тоже время мы активно сотрудничаем с представителями духовенства и различными церковными структурами. Журналу присвоен гриф «Одобрено Синодальным информационным отделом Русской Православной Церкви».

Если Вам понравилась эта книга — поддержите нас!